Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"... Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 105. 15-го іюля 1905 г. Годъ V

НЕ НАЧАЛО-ЛИ ПОВОРОТА?

Земскій либерализмъ можетъ съ чувствомъ удовлетворенія отмѣтить труды засѣданія только что закончившагося московскаго съѣзда. Впервые за все время своего долголѣтняго существованія онъ нашелъ въ себѣ мужество разорвать съ традиціями дворянской пореформенной оппозиціи и попытаться играть политическую роль на *европейски*-буржуазный ладъ.

Обольщаться этимъ результатомъ земской эволюціи, разумѣется, не приходится. Камни должны были заговорить; россійское купечество должно было зашевелиться; броненосцы — угрожать царскимъ крѣпостямъ, чтобы русскій либерализмъ сдѣлалъ минимумъ того, чего отъ него требовала прежде всего его собственная политическая выгода. Стать безповоротно на почву *конституціонализма* и проявить хотя бы небольшое желаніе *опереться на народъ* — это не было бы „преждевременно" и годъ тому назадъ, и если бы земскій либерализмъ тогда уже сдѣлалъ это, позиція его была бы много выгоднѣе. Было ли бы это лучше для *революціи* — вопросъ другой.

Такъ или иначе, а либеральное движеніе сдѣлало на іюльскомъ съѣздѣ большой шагъ впередъ, и съ нимъ приходится отнынѣ считаться какъ съ факторомъ, пытающимся занять самостоятельное мѣсто въ *народной* борьбѣ, ведущейся противъ самодержавія.

Къ сожалѣнію, оффиціальныхъ отчетовъ о съѣздѣ у насъ не имѣется, и мы должны опираться только на свѣдѣнія, сообщаемыя иностранными корреспондентами.

Извѣстно, что земскій съѣздъ собрался, вопреки настойчивымъ попыткамъ правительства не допустить его. До 250 земскихъ и думскихъ представителей явилось въ Москву, не смотря на „запретительный циркуляръ", разосланный по губернаторамъ. Вмѣшательство властей въ самыя засѣданія съѣзда окончилось для нихъ жалкимъ фіаско: земцы устояли передъ натискомъ полиціи, самодержавная полиція не устояла передъ первымъ — со стороны вождей имущаго либерализма — серьезнымъ отпоромъ. И если Булыгинскій циркуляръ о „не пущаніи" земцевъ и думцевъ въ Москву, очевидно, имѣлъ тотъ лишь результатъ, что съѣхались преимущественно *лѣвые* элементы земской массы, то Треповскій приказъ о роспущеніи „незаконнаго собранія", въ свою очередь, только окрасилъ занятія съѣзда въ болѣе „красный" цвѣтъ, давъ земцамъ возможность дешевой цѣной получить „боевое крещеніе". Въ результатѣ этихъ воздѣйствій правительства, іюльскій съѣздъ получилъ характеръ, выгодно отличающій его отъ прежнихъ. „Шиповцы" сидѣли, набравъ въ ротъ воды, а въ лагерѣ конституціоналистовъ, царившихъ на съѣздѣ, оттѣнокъ Петрункевича взялъ рѣшительный перевѣсъ надъ болѣе умѣренными оттѣнками.

Съѣздъ сурово высказался о проектѣ Булыгина. Сгоряча онъ даже отвергъ предложеніе бюро не „бойкотировать" провозвѣщенную Государственную Думу, и участвовать въ выборахъ. Но затѣмъ, подъ давленіемъ того же бюро, онъ взялъ назадъ это рѣшеніе и постановилъ оставить вопросъ (объ участіи въ выборахъ) открытымъ до слѣдующаго съѣзда, имѣющаго быть экстренно созваннымъ по оффиціальномъ объявленіи о пожалованіи Россіи Булыгинской, съ позволенія сказать, конституціи.

Противорѣчіе въ голосованіяхъ по этому вопросу имѣетъ очень серьезное значеніе и на немъ слѣдуетъ остановиться.

Политическая позиція, которую занялъ іюльскій съѣздъ, есть позиція конституціоналистскаго демократизма „освобожденцевъ". Стоя на этой позиціи, необходимо кореннымъ образомъ отвергнуть Булыгинское „представительство". Это и сдѣлали земцы. Но что представляетъ собой это самое представительство? Ни болѣе, ни менѣе, какъ выводъ изъ того самаго „земскаго и городского самоуправленія", на почвѣ котораго выросъ и развился русскій либерализмъ, представленный на съѣздѣ. Отрицаніе „Булыгинской конституціи" есть отрицаніе земскаго либерализма въ томъ видѣ, какъ онъ сложился исторически, это есть крутой разрывъ со всей традиціей либеральной партіи. Традиціонный русскій либерализмъ привыкъ исходить отъ „земскаго положенія" 1864 года въ своей тактикѣ и неизмѣнно возвращаться къ нему въ своихъ программныхъ требованіяхъ. Давно ли *сами либералы* не считали для Россіи пригоднымъ что бы то ни было, кромѣ принципа „всесословно"-цензоваго представительства, положеннаго въ основу этого Положенія? Давно ли слово „Земскій Соборъ" являлось альфой и омегой ихъ политической программы? Если теперь на іюльскомъ съѣздѣ произошелъ этотъ разрывъ съ традиціей, если воплощенный въ проектѣ Булыгина (въ отдѣлѣ объ организаціи представительства) былой идеалъ самыхъ „передовыхъ" земцевъ, если онъ нынѣ оттолкнулъ отъ себя тѣхъ-же земцевъ, то въ этомъ интересномъ явленіи безпристрастный и вдумчивый наблюдатель замѣтитъ признакъ колоссальнаго роста *народной революціи*. *Она*, эта стихія великой русской революціи, оборвала пуповину, связывавшую русскій либерализмъ съ историческими традиціями просвѣщенной части дворянства, съ пресловутой „эпохой великихъ реформъ". И тотъ, кому партійная близорукость не мѣшаетъ наблюдать дѣйствительность, не сможетъ не замѣтить въ этомъ воздѣйствіи революціонной стихіи, осмысливающее вліяніе работъ соціальдемократіи, которой удалось въ теченіе послѣдняго года сдѣлать *популярными* демократическія идеи и оформить то систематическое давленіе народныхъ массъ, которое учитывалось либералами на ихъ съѣздѣ. Идейную побѣду пролетаріата прежде всего знаменуетъ рѣшеніе іюльскаго съѣзда безповоротно отвергнуть Булыгинскую Думу.

Земцы увидѣли, что не только „сословно-бытовой", но и „всесословно-земскій" цензъ, въ данной исторической обстановкѣ, означаетъ сохраненіе всѣхъ прерогативъ самодержавія, означаетъ самаго худшаго сорта „мнимый конституціонализмъ". Они увидѣли, наконецъ, то, что имъ говорили съ самаго начала соціальдемократы, и пришли къ всеобщему избирательному праву, какъ единственной гарантіи парламентаризма (разумѣется, по возможности, ограничивъ полноту его примѣненія въ своихъ конституціонныхъ проектахъ).

Но если, ставъ на эту дорогу, земскіе либералы могутъ спасти себя отъ растворенія въ реакціонной массѣ, противъ которой ведетъ свою борьбу русскій народъ, то этимъ шагомъ они — увы! — начали исторію своей ликвидаціи, какъ партіи земской.

За съѣхавшимися въ Москву представителями стоитъ плотная масса истинныхъ „людей земли", довѣрявшихъ имъ представительство своихъ соціальныхъ интересовъ. Эта плотная масса землевладѣльцевъ и городскихъ олигарховъ связана съ „всесословнымъ цензомъ" и со всѣми надстройками на немъ, [illegible] тѣмъ то болѣе прочными, чѣмъ [illegible] привычка. Эти „люди земли" прошлымъ [illegible] связаны съ пореформенной системой мѣстнаго самоуправленія, [illegible] Эти „люди земли"

проявили въ достаточной мѣрѣ свое умѣніе использовать свои политическія привилегіи, и исторія земскаго обложенія, земскихъ попытокъ регулированія крестьянскаго вопроса и рабочаго вопроса въ сельскомъ хозяйствѣ ярко свидѣтельствуетъ объ этомъ ихъ умѣніи. Брошенная общественнымъ развитіемъ въ политическую оппозицію, эта земская масса, во многихъ своихъ интересахъ соціально-реакціонная, налагала на русскій буржуазный либерализмъ печать его до-нынѣшней анти-народности. Обостреніе политической борьбы, вызванное могучимъ ростомъ рабочаго движенія, заставляетъ политическую партію, стоящую во главѣ земствъ, разорвать узы, порабощавшія ее этимъ „людямъ земли". Но тѣмъ самымъ конституціонная партія обрубаетъ тѣ корни, которые ее до сихъ поръ питали. И въ вопросѣ о тактикѣ, которую надлежитъ занять по отношенію къ выборамъ въ „Думу", либералы нащупали эту свою бѣду.

Отстраниться отъ участія въ выборахъ въ Думу *въ данный моментъ*, когда они только еще *собираются* искать себѣ новую соціальную опору, — это значитъ *содѣйствовать* эмансипаціи „людей земли" отъ политическаго руководительства ихъ донынѣшнихъ вождей. Это очевидно, какъ сама истина. Съ принятіемъ въ программу всеобщаго избирательнаго права, конституціоналисты перестали быть „земской" партіей въ старомъ смыслѣ. Устраняясь отъ выборовъ въ Думу, они ту земскую массу, которая, по своимъ интересамъ, отнюдь не склонна отказаться отъ своей привилегіи, *толкаютъ* на образованіе новой, дѣйствительно земской партіи, которая не жертвовала бы *народному* движенію этими привилегіями. Если конституціоналисты проведутъ среди либераловъ бойкотъ при выборахъ въ Думу, они могутъ быть увѣрены, что большинство помѣщиковъ приметъ участіе въ этихъ выборахъ и заполнитъ Булыгинскій Ноевъ ковчегъ пресмыкающимися различныхъ породъ.

Тактика бойкота, вообще, трудно проводимая, можетъ удасться тогда лишь, когда соціальный классъ, представляемый партіей, прибѣгающей къ бойкоту, по внутренней логикѣ своего собственнаго развитія, революціонно идетъ въ ногу съ этой партіей. При такомъ условіи, умѣло проведенный бойкотъ „отцѣдитъ" отъ массы, идущей за этой партіей, только безнадежно-отсталые элементы даннаго класса, неспособные ни къ какому политическому сплоченію. Другое дѣло тогда, когда партія, зовущая къ бойкоту, *вынуждена* была далеко *опередить* свой классъ по пути общественнаго движенія. Въ этомъ случаѣ объявленный ею бойкотъ долженъ привести къ тому, что оставитъ ее за бортомъ собственнаго класса, политическое сплоченіе котораго — но въ другую, чѣмъ желательно партіи, сторону — только выиграетъ отъ этой операціи. Въ такомъ именно положеніи находится теперь конституціоналистская партія.

Между тѣмъ, ея прошлая работа недаромъ дала ей пость *оффиціальной* представительницы „земскихъ сословій". Завоеванное долгой работой политическое положеніе можетъ быть съ успѣхомъ эксплуатируемо партіей еще долго послѣ того, какъ начала исчезать связь соціальныхъ интересовъ между классомъ и партіей. Уже въ іюльскіе дни земскій съѣздъ не отражалъ объективно развивающихся тенденцій помѣстнаго землевладѣнія. Каждый новый шагъ по пути активной борьбы будетъ увеличивать это несоотвѣтствіе. И какъ нельзя болѣе заманчиво для политическихъ вождей либеральной партіи замедлить процессъ отраженія этого несоотвѣтствія въ сознаніи „людей земли", продлить свою роль оффиціальнаго представителя земскихъ плательщиковъ, по прежнему имѣть въ своемъ распоряженіи вѣсъ ихъ соціальной мощи для борьбы съ „бюрократіей". Но это достижимо лишь при перенесеніи доселѣ ведшейся въ земствахъ борьбы въ выборную агитацію при созывѣ Думы; лишь при укрѣпленіи на первыхъ выборахъ въ Думу связи между избирающей массой и донынѣшними избранниками, — связи, которая формально обречена порваться (для партіи въ цѣломъ, по крайней мѣрѣ). Вотъ почему вожди земскихъ либераловъ не могли не ощутить самаго живѣйшаго безпокойства, когда, увлекшись стремленіемъ сбросить съ себя „ветхаго человѣка", земцы склонились къ бойкоту Думы. Вотъ почему они слѣдующимъ голосованіемъ уничтожили смыслъ прежняго голосованія.

Но, съ другой стороны, земцы недаромъ приняли — на минуту — это радикальное рѣшеніе. Строго говоря, принципіальная борьба съ Булыгинской Думой не подразумѣваетъ обязательнаго при выборахъ бойкота. Участіе въ выборахъ съ тѣмъ, чтобы „изнутри взорвать" дрянное учрежденіе, не есть тактика оппортюнизма. Но, чтобы умѣло провести *такую* тактику, надо чувствовать за собой поддержку *народнаго довѣрія* — въ противномъ случаѣ, непремѣнно взорвешь свою собственную партію или, вѣрнѣе, приведешь ее къ внутреннему разложенію. А народное довѣріе пріобрѣтается только борьбой въ рядахъ народа. Между тѣмъ, до сихъ поръ съ народомъ земскіе либералы не имѣли ничего общаго и проявляли къ его революціонной самодѣятельности самое реакціонное отношеніе. Собираясь теперь ликвидировать эту полосу своего прошлаго, они видятъ, что не владѣютъ еще никакимъ капиталомъ народнаго довѣрія, за счетъ котораго можно было бы повести рискованную и сложную тактику завоеванія реакціоннаго по своей организаціи государственнаго учрежденія для превращенія его въ орудіе прогрессивнаго движенія. И, понимая то, что они связаны своей прежней дѣятельностью, земцы не дерзаютъ высказаться за тактику участія въ выборахъ.

Въ результатѣ этихъ сомнѣній, съѣздъ отсрочилъ рѣшеніе вопроса.

Мы сказали — и въ этомъ мы видимъ историческій смыслъ рѣшеній съѣзда — что онъ положилъ начало ликвидаціи русскаго конституціонализма, какъ земско-помѣщичьей партіи. Другими словами, это значитъ начало созданія дѣйствительной *либерально-демократической* партіи.*)

Неоднократно указывали мы въ „Искрѣ" наличность въ либеральномъ русскомъ движеніи двухъ существенно различныхъ соціальныхъ элементовъ: помѣщичьей оппозиціи и разночинскаго демократизма. Мы указывали на то, что разрывъ установившейся между ними связи является первой предпосылкой для того, чтобы объективно-революціонный въ современной Россіи разночинскій демократизмъ могъ стать „становымъ хребтомъ" широкаго *народнаго* (внѣпролетарскаго) движенія. Поэтому, мы призывали „третій элементъ" къ самостоятельному отъ „земцевъ" дѣйствію, бокъ о бокъ съ революціоннымъ пролетаріатомъ. Поэтому, мы ставили движенію самого пролетаріата задачу оторвать отъ земско-либеральнаго „блока" его лѣвое крыло, такъ усиленно привязывавшееся къ колесницѣ земскихъ тузовъ стараніями „освобожденцевъ". Историческую задачу разночинной демократіи мы видѣли въ революціонизированіи и мобилизаціи отсталыхъ и стоящихъ внѣ сферы дѣйствія сознательнаго пролетаріата народныхъ массъ.

*) Первый шагъ къ образованію такой партіи сдѣланъ лѣвыми земцами по окончаніи съѣзда. [illegible]

Дѣйствительное развитіе пошло нѣсколько въ иныхъ формахъ. Организаціи разночинцевъ успѣли (благодаря, конечно, своей нереволюціонной тактикѣ) сдѣлать слишкомъ мало для политической мобилизаціи народа. Въ то же время обостреніе борьбы пролетаріата съ царизмомъ создало политическое положеніе, въ которомъ умѣренный, вышедшій изъ земскихъ круговъ, конституціонализмъ долженъ былъ или задохнуться или взять *на себя* иниціативу движенія влѣво, не дожидаясь, пока его властно потянетъ туда его разночинный союзникъ. Попытку добровольно покончить съ собою (съ самыми благородными жестами) земскіе вожди сдѣлали 6-го іюня въ Петергофскомъ дворцѣ. Они лежали уже, казалось, полубездыханными политическими трупами у ногъ своего повелителя, но этому несчастному понадобилось удовлетворить свою самодержавную похоть, пнувъ ихъ лишній разъ сапогомъ. Послѣдовать пріемъ „истинно русскихъ" людей. Этого не могли снести даже Трубецкой съ братіей. Съ береговъ Черного моря донеслись залпы „Потемкина" — и конституціоналисты услыхали отъ иностранныхъ доброжелателей, что теперь имъ можно „мечтать" даже о насильственномъ переворотѣ при помощи недовольнаго офицерства. И вотъ, черезъ мѣсяцъ послѣ Петергофскаго самоуниженія, конституціонализмъ пытается снова возродиться въ томъ единственномъ видѣ, въ какомъ онъ отнынѣ можетъ жить, взявъ на себя ту иниціативу, которую не съумѣла взять демократическая интеллигенція. Опираясь на аппаратъ земской организаціи, собрать вокругъ своего знамени народъ — такова задача отнынѣ. Разрывая въ принципѣ съ „всесословнымъ земскимъ представительствомъ", земскій конституціонализмъ становится конституціонализмомъ демократическимъ. *Аппеляція къ народу* — эти слова впервые раздались въ земскомъ лагерѣ.

Съ чѣмъ же земцы обратятся къ народу?

Они намѣрены организовать повсемѣстные митинги противъ Булыгинскаго проекта; будутъ пропагандировать неповиновеніе тѣмъ дѣйствіямъ администраціи, которыя нарушаютъ основныя права гражданина (хотя бы эти дѣйствія и соотвѣтствовали буквѣ закона).

Это очень недурно. Но, берясь пропагандировать стачку гражданъ, необходимо поставить и вопросъ о *средствахъ* для веденія гражданами этой стачки.

Земскій съѣздъ посовѣтовалъ примѣнять „всѣ средства", но уступать насилію. Это очень благоразумно, конечно, но едва ли подниметъ сколько нибудь охоту гражданъ вступать въ прямую борьбу съ органами самодержавія и едва ли сколько нибудь умѣритъ рвеніе администраціи въ попыткахъ примѣненія произвольныхъ мѣръ. Сопротивленіе, поставившее самому себѣ принципіальную границу въ насиліи противника, сводится на нѣтъ простой готовностью противника примѣнять насиліе безъ всякой „крайней необходимости". Что правительство Трепова обладаетъ такой готовностью, — въ этомъ едва ли сомнѣваются земцы. А если такъ, то ихъ призывъ къ сопротивленію не является призывомъ къ борьбѣ наступательной, къ борьбѣ, которая могла бы имѣть шансы *завоевать* Россіи свободу. „Пассивное сопротивленіе", какъ это показалъ опытъ Финляндіи, можетъ, въ лучшемъ случаѣ, помѣшать введенію какихъ либо новыхъ острыхъ репрессій, но заставить измѣнить царящій вѣками порядокъ — оно не въ силахъ, ибо для того, чтобы разстроить въ конецъ государственную машину, оно должно дѣйствовать очень долгое время, въ теченіе котораго внесетъ страшный хаосъ въ жизнь самой націи. Собственно говоря, это самый *дорогой* для народа методъ совершенія революціи.

Рано или поздно, пассивное сопротивленіе наталкивается на предѣлъ, за которымъ наступаетъ необходимость сопротивленія „активнаго", необходимость наступленія. И если земцы всерьезъ вступятъ на путь противодѣйствія самодержавію, они придутъ къ этому предѣлу.

Земцы постановили идти въ народъ съ агитаціей. Они явятся на митинги и будутъ звать народъ не исполнять тѣхъ или иныхъ требованій власти. Что-же отвѣтятъ они на вопросъ народа: *нужно ли вооружаться* для отпора полиціи и хулиганамъ? продолжать-ли устраивать отряды самообороны? отказывать-ли въ квартирахъ казачьимъ командамъ, прибывшимъ для экзекуціи?

Вѣроятно, земцы отвѣтятъ на этотъ вопросъ отрицательно. На своихъ засѣданіяхъ они совершенно обошли молчаніемъ вопросъ объ организаціи сопротивленія, совершенно игнорировали поднятый въ столькихъ думахъ вопросъ объ организаціи городской милиціи. Болѣе того: они даже не обязали земства и думы перестать выдавать деньги на содержаніе полиціи и казаковъ. И въ разгаръ дебатовъ съѣзда газеты облетѣло позорное извѣстіе, что Нижегородская дума вновь ассигновала 10.000 руб. на расквартированіе казаковъ.

Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые думаютъ, что для содѣйствія освобожденія Россіи имущіе классы не могутъ ничего сдѣлать, кромѣ какъ „содѣйствовать соціальдемократіи въ дѣлѣ народнаго вооруженія". Напротивъ, мы думаемъ, что буржуазія еще можетъ, а слѣдовательно, и должна многое сдѣлать въ дѣлѣ расшатки самодержавія вовлеченіемъ въ борьбу съ нимъ болѣе отсталыхъ слоевъ народныхъ массъ (особенно сельскихъ), не поддавшихся еще революціонному воздѣйствію „крайнихъ" партій. Въ этомъ смыслѣ, одинъ фактъ перехода оффиціальныхъ организацій имущихъ классовъ къ борьбѣ *нелегальной*, хотя бы въ формѣ пассивнаго сопротивленія и крупныхъ политическихъ демонстрацій, будетъ имѣть крупное агитаціонное значеніе. И насъ нисколько не можетъ смущать то соображеніе, что, ведя въ народѣ такую агитацію, конституціоналисты-земцы будутъ вербовать себѣ недостающія имъ теперь *народныя массы*, становясь такимъ образомъ, непосредственными нашими политическими „конкуррентами". Политической конкурренціи либераловъ намъ всего менѣе приходится бояться.

Но, чѣмъ болѣе дѣйствительно будетъ положительное значеніе обращенія земцевъ къ народу съ агитаціей, тѣмъ болѣе оно потребуетъ отъ нихъ выполненія второй задачи, лежащей на имущихъ классахъ — задачи вооруженія народа; тѣмъ чаще они сами явятся непосредственно отвѣтственными за тѣ лишнія жертвы, которыя народъ несетъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ, благодаря отсутствію у него средствъ къ отпору. И объ этой отвѣтственности народъ обязанъ напоминать земцамъ, когда они явятся передъ нимъ въ роли кандидатовъ на „политическое руководство". Если земцы не захотятъ — изъ боязни революціи — *помогать* народу вооружаться, все ихъ хожденіе „въ народъ" окончится жалкимъ фіаско.

Соціальдемократическій пролетаріатъ озаботится о томъ, чтобы возможно скорѣе конституціоналисты увидѣли себя передъ этой дилеммой — или уйти отъ народа обратно въ „міръ банкетовъ и съѣздовъ", или сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ.

Другая задача сознательнаго пролетаріата — выступить передъ народомъ съ разоблаченіемъ недостаточности и реакціонности того представительства, которое будутъ пропагандировать земцы, согласно рѣшенію іюльскаго съѣзда. Двухпалат

ная конституція съ монархомъ, имѣющимъ право veto и распоряжающимся арміей и флотомъ — таково его представительство. Пролетаріатъ долженъ со всей энергіей разъяснять широкимъ массамъ населенія отсталость такого представительства и его полную недостаточность для осуществленія тѣхъ соціальныхъ реформъ, которыя необходимы пролетаріату и крестьянству.

Земцы постановили — и это очень важное постановленіе — приглашать на свои будущіе конгрессы представителей крестьянъ. Предложеніе приглашать представителей *рабочихъ организацій* они передали въ бюро, слѣдовательно, *не рѣшились его принять* (а, можетъ быть, и рѣшились и отвергнуть его). Въ этомъ рабочіе справедливо усмотрятъ аттестатъ своей политической зрѣлости, невольное признаніе, что въ приготовительномъ классѣ политической школы, какимъ пока являются „земскіе парламенты", ихъ передовымъ элементамъ дѣлать нечего.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, земцы создали оффиціальную центральную организацію съ широкими полномочіями центра, установивъ обязательный налогъ со всѣхъ входящихъ въ организацію земствъ. Если они сумѣютъ связаться съ тѣми или другими народными слоями, земцы будутъ обладать крупной политической организаціей, способной сыграть замѣтную роль въ борьбѣ съ царизмомъ. Какъ ни малъ тотъ шагъ, который они нынѣ сдѣлали, онъ — если, конечно, они не поспѣшатъ взять его назадъ — долженъ будетъ втянуть ихъ въ острую борьбу съ самодержавіемъ. И вокругъ земскаго съѣзда уже носятся (преимущественно въ иностранной печати) толки о „временномъ правительствѣ", о полной „изоляціи" самодержавія, которую они проведутъ системой бойкота, стачки и пассивнаго сопротивленія. Если *въ данный моментъ*, когда земцы еще не нащупали почвы въ народѣ, такіе проекты могутъ представляться преждевременными, то, несомнѣнно, что бурное развитіе революціонныхъ событій можетъ ихъ завтра же сдѣлать совершенно реальными.

Пролетаріатъ можетъ только пожелать, чтобы представители имущихъ классовъ вступили рѣшительно на этотъ путь. Онъ можетъ только пожелать, чтобы и они, въ свою очередь, сдѣлали кое-что для вовлеченія націи въ острый конфликтъ съ силами реакціи, конфликтъ, который, разумѣется, не удастся разрѣшить однимъ „косвеннымъ сопротивленіемъ", одной „изоляціей" Николая Романова. И пролетаріатъ весь, какъ одинъ человѣкъ, поддержитъ революціонную иниціативу конституціоналистовъ, если они въ одинъ прекрасный день попытаются организовать временное правительство, которое взялось бы выполнить требованія народа, отвергаемыя монархіей. Конечно, поддержитъ, поставивъ свои условія, и во главѣ этихъ условій будутъ стоять: *разоруженіе реакціи, вооруженіе народа, созывъ Всенародного Учредительнаго Собранія.* Попытка „пожаловать" народу іюльскую двухпалатную конституцію съ однимъ монархомъ будетъ, разумѣется, встрѣчена пролетаріатомъ такой же борьбой, какъ и попытка Булыгина.

Стать въ глазахъ сознательной части народа *не только* людьми *партіи*, но и временнымъ органомъ государственнаго переустройства земцы смогутъ тогда лишь, когда во главу угла своей агитаціи поставятъ созывъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія.

Пролетаріатъ, сказали мы, поддержитъ революціонную иниціативу. Но онъ ее поддержитъ только для того, чтобы *открыть эру революціи*, чтобы не дать остановить революціонный процессъ, чтобы не дать водворить столь желательнаго для редактора „Освобожденія" „сильнаго правительства". Съ этого момента пути революціоннаго пролетаріата и либеральной буржуазіи разойдутся безповоротно.

Іюньскіе дни въ Черноморѣ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ВЪ „ИСКРУ".

Революціонеры-матросы эскадреннаго броненосца „Князя Потемкина-Таврическаго", принадлежащіе, многіе формально, а другіе фактически, къ Крымскому Союзу Р. С.-Д. Р. Партіи, шлютъ черезъ посредство редакціи „Искры" товарищескій привѣтъ всему русскому пролетаріату. Вмѣстѣ съ нимъ и вмѣстѣ со всѣми борцами за свободу Россіи мы глубоко сожалѣемъ о неполномъ успѣхѣ нашего революціоннаго предпріятія. По мы спѣшимъ увѣрить всѣхъ товарищей, что лишь непреодолимыя техническія трудности и абсолютная невозможность достать угля поставили насъ въ печальную и трагическую необходимость покинуть нашъ броненосецъ. Теперь мы остаемся больше, чѣмъ когда либо вѣрными дѣлу пролетаріата и свободы въ Россіи и выражаемъ полную готовность жертвовать своею жизнью по примѣру своихъ товарищей, павшихъ передъ Ѳеодосіей. Нашъ девизъ теперь, какъ и раньше, остается: „смерть или свобода для всей Россіи".

Пользуемся этимъ случаемъ выразить нашу глубокую благодарность какъ товарищамъ изъ „Искры", такъ и товарищамъ междупартійной комиссіи, составившейся изъ представителей обѣихъ соціальдемократическихъ фракцій, соціалистовъ-революціонеровъ и членовъ Бунда, а также всѣмъ иностраннымъ товарищамъ за ихъ чувства солидарности и за ихъ готовность помочь намъ въ настоящій критическій моментъ.

Да здравствуетъ россійскій пролетаріатъ!
Да здравствуетъ международный соціализмъ!
Да здравствуетъ всероссійская революція!

Евклидій Рѣзниченко, Степанъ Денисенко, Арсеній Самойленко, Иларіонъ Шестидесятый, Ѳедоръ Шевченко, Захарій Цимбалъ, Константинъ Свотченко, Никита Сикляя, Иванъ Захарченко, Ефимъ Бредихинъ, Николай Рыжовъ, Николай Хохряковъ, Андрей Петренко, Григорій Кулишовъ, Сидоръ Андросовъ, Борисъ Прохоровъ, Михаилъ Шенкаревъ, Тимофей Скребневъ, Иванъ Лычевъ, Александръ Макаровъ, Николай Алексѣевъ, Василій Куликъ, Никифоръ Добровольскій, Николай Алексѣевъ, Павелъ Коваленко, Василій Шишкаревъ, Григорій Антоновъ, Петръ Фесенко, Іосифъ Мертьяновъ.

Въ составъ комиссіи, управлявшей эскадреннымъ броненосцемъ „Князь Потемкинъ", входили:

Находящіеся въ живыхъ: Денисенко, Матюшенко, Шестидесятый, Рѣзниченко, Симковъ, Рыжовъ, Кудинъ, Бредихинъ, Самойленко, Курыловъ, Саребневъ, Лычевъ, Овчеровъ, Костенко.

Убитые: Никишинъ, Заволошинъ, Цыркуновъ, Мартьяновъ, Вакуленчукъ.

(Настоящее письмо служитъ отвѣтомъ на слѣд. телеграмму, посланную нами тов. Раковскому въ Констанцѣ)

Женева, 8 Іюля (25 іюня) 1905 г.

Передайте товарищамъ сердечное привѣтствіе и поздравленіе отъ имени русскаго пролетаріата. Вмѣстѣ съ нимъ, скорбимъ о неудачѣ смѣлаго подвига. Увѣрены, что слѣдующее возстаніе приведетъ къ цѣли.

Да здравствуетъ россійская республика! Да здравствуютъ революціонные матросы! Жмемъ руки товарищамъ-героямъ.

Искра.

„КРАСНЫЙ" ФЛОТЪ[1]).

То, что произошло нѣсколько дней тому назадъ на Черномъ морѣ, потрясло не только всю Россію, но и переполошило весь цивилизованный міръ. Кажется, не было такой газеты во всей Западной Европѣ, которая не обсуждала бы такъ или иначе событій, вызванныхъ къ жизни революціоннымъ поведеніемъ русскаго броненосца „Князь Потемкинъ". По истинѣ случай въ революціонной исторіи, не только Россіи, но и другихъ странъ, безпримѣрный. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго въ той громадной кучѣ лжи и правды, фактовъ и вымысловъ, которыми была переполнена какъ русская, такъ и иностранная пресса. Однако, истина прежде всего, и поэтому я, какъ очевидецъ и пережившій самъ всѣ перипетіи двѣнадцатидневной революціонной эпопеи „Князя Потемкина", считаю своимъ долгомъ правдиво и сжато передать все то, что происходило передъ моими глазами.

Какъ извѣстно, „Потемкинъ", расправившись со своими офицерами на Тендрѣ, 14 мая вечеромъ прибылъ на Одесскій рейдъ. Описывать картину расправы матросовъ со своими непосредственными тиранами не буду, такъ какъ думаю, что это лучше выполнитъ какой-нибудь другой товарищъ, присутствовавшій при этомъ. Скажу только кратко, что изъ всего офицерскаго состава были убиты 7 человѣкъ (командиръ *Голиковъ*, старшій офицеръ *Гиляровскій*, старшій врачъ *Смирновъ*, лейтенантъ *Неупокоевъ*, лейтенантъ *Тонъ*, прапорщикъ *Ливенцовъ* и поручикъ *Григорьевъ*); всѣ они были выброшены въ море.

Всѣ остальные офицеры были арестованы, и ихъ участь должна была рѣшиться позднѣе. Изъ матросовъ было убито тоже нѣсколько человѣкъ по ошибкѣ, такъ какъ они, перепугавшись всего происходящаго, бросились вплавь къ берегу и ихъ съ судна приняли за офицеровъ и открыли по нимъ ружейный огонь.

Послѣ всего этого, „Потемкинъ" пришелъ въ Одессу и утромъ 15, перенеся на берегъ трупъ любимаго своего товарища Вакуленчука (Омельчукъ не правильно), павшаго первымъ отъ деспотической руки старшаго офицера, выпустилъ печатное извѣщеніе о своей готовности примкнуть къ революціонной борьбѣ одесскаго пролетаріата и встать на его защиту.

Какую сенсацію произвело его извѣщеніе на возставшихъ уже одесскихъ рабочихъ и какія затѣмъ послѣдовали событія въ самомъ городѣ, уже, вѣроятно, сообщено въ нашу печать тамошними товарищами. На самомъ же суднѣ день 15 іюня протекъ слѣдующимъ образомъ.

Прежде всего, конечно, необходимо было разрѣшить неотложные вопросы самостоятельнаго управленія броненосцемъ. Для этой цѣли были избраны всей командой изъ своей среды человѣкъ 20—25 товарищей, на обязанности которыхъ и лежало, какъ руководство всей дѣятельностью „Потемкина", такъ и установленіе новыхъ внутреннихъ порядковъ на немъ. Такъ какъ отъ мѣстныхъ одесскихъ соціальдемократическихъ организацій были немедленно посланы представители для объединенія дѣйствій города и броненосца, то городскіе товарищи также были приглашены къ участію въ управляющую коллегію. Сначала ихъ было человѣкъ пять-шесть, но затѣмъ осталось только трое.

Планъ дѣйствій былъ выработанъ таковъ, что необходимо было сначала запастись съѣстными припасами, водой, углемъ и узнать намѣренія остальной эскадры. Послѣднее было въ высшей степени важно, такъ какъ по условію, состоявшемуся еще въ Севастополѣ, большая часть эскадры должна была сдѣлать у себя на суднѣ то же самое и присоединиться къ намъ. Приступать же къ рѣшительнымъ революціоннымъ дѣйствіямъ намъ одниимъ, имѣя врага и съ тыла и съ фронта, было больше, чѣмъ рискованно.

И такъ, рѣшено было наступательныхъ дѣйствій пока не вести. Почти цѣлый день прошелъ поэтому въ нагрузкѣ угля и съѣстныхъ припасовъ.

То и дѣло къ намъ подъѣзжали шлюпки съ рабочими, привѣтствовали насъ революціонными возгласами и передавали намъ гостинцы и всякую снѣдь.

Характерно то, что водки не было принято съ берега ни одной бутылки и всѣмъ, привозившимъ ее, заявляли, что теперь надо не водку пить, а свободу завоевывать.

Къ вечеру этого дня вдругъ на горизонтѣ показывается небольшое военное судно, идущее прямо къ намъ. Сначала немножко было насторожились, но потомъ оказалось, что это суденышко безвредное. По приближеніи его, нами былъ отданъ приказъ „стать на якорь" и „Вѣха" остановилась и черезъ нѣсколько минутъ явился къ намъ на шлюпкѣ съ рапортомъ командиръ, но каково его было удивленіе и ужасъ, когда его встрѣтилъ, вмѣсто командира „Потемкина", простой солдатикъ-матросъ и объявилъ ему, что онъ арестуется, и тутъ же стоявшій караулъ арестовалъ его немедленно и отвелъ подъ арестъ въ адмиральское помѣщеніе.

Остальные офицеры были истребованы также съ „Вѣхи" и тоже подъ карауломъ были отведены въ адмиральскую.

Здѣсь ихъ вкратцѣ ознакомили съ положеніемъ вещей и заявили, что отнынѣ трудъ и потъ народный, суда и корабли, должны служить интересамъ народа, а не противъ него, и что, поэтому, „Вѣху" мы, какъ защитники народа, оставляемъ у себя. Господа же офицеры, какъ наемное слѣпое орудіе народнаго угнетенія, теперь совершенно здѣсь излишни. Послѣ этого съ нихъ были сняты погоны, оружіе, и они были свезены съ миромъ на берегъ, причемъ каждому изъ нихъ было дано по 100 рублей денегъ на дорогу.

„Вѣху" же рѣшено было обратить въ госпитальное судно. Туда были перенесены всѣ больные и раненые и командированъ нами одинъ изъ врачей.

Вся остальная часть дня и вечеръ прошли въ совѣщаніяхъ, установкѣ новыхъ порядковъ и пр. Но на берегу, очевидно,

[1]) Авторъ принималъ самое активное участіе въ возстаніи.

Ко всѣмъ сознательнымъ товарищамъ рабочимъ!

(Письмо въ редакцію.)

Дорогіе товарищи! Свершилось, наконецъ, то, что наиболѣе дальнозоркіе работники нашей партіи предвидѣли и предсказывали. Свершился, наконецъ, третій „съѣздъ", который окончательно, — фактически и формально — раздѣлилъ нашу партію на два, враждебныхъ другъ другу, лагеря. Теперь фактически нѣтъ единаго пролетаріата въ Россіи, организованнаго въ единую Россійскую Соціальдемократическую Партію, а есть пролетаріатъ одной партіи и другой. Теперь, границы формально единой партіи, въ которыхъ до сихъ поръ велась борьба между „большевиками" и „меньшевиками", — превзойдены, и она, т. е. борьба, съ санкціи III „съѣзда", получаетъ полную силу, новые соки для дальнѣйшаго такъ называемаго, „законнаго" ея веденія, и тѣмъ еще больше усугубляетъ ту пропасть, которую наши „партіотствующіе", „болѣющіе за насъ, рабочихъ, сердцемъ" руководители, успѣли вырыть за время послѣ II съѣзда внутри россійскаго пролетаріата. Теперь окончательно парализована *классовая* мощь и сила пролетаріата въ его дальнѣйшей поступательной борьбѣ съ отживающимъ царизмомъ. Теперь пролетаріатъ теряетъ свою организованную *цѣльность*, а, слѣдовательно, и самостоятельность и тѣмъ самымъ не въ силахъ будетъ оградить себя отъ всяческихъ поползновеній со стороны другихъ буржуазно-демократическихъ партій и фракцій — подчинить его своему вліянію. Словомъ, то, къ чему дѣйствительные піонеры самостоятельной пролетарской партіи въ Россіи такъ искренно стремились; то, что такъ завѣтно ими лелѣялось, а именно: организовать еще въ нѣдрахъ самодержавія *самостоятельную классовую борьбу* пролетаріата, и чтобы изъ борьбы за буржуазную революцію онъ вышелъ чистымъ и неопороченнымъ въ своихъ классовыхъ задачахъ и стремленіяхъ; — эти ихъ стремленія, эта нелегкая задача сейчасъ на пути своего осуществленія встрѣтилась съ такимъ громаднымъ препятствіемъ, которое вызываетъ опасенія не только за классовую чистоту дальнѣйшей борьбы россійскаго пролетаріата, но и за возможность и вѣроятность утери имъ той степени классовой самостоятельности, которую онъ успѣлъ уже себѣ пріобрѣсти и очутиться погруженнымъ въ буржуазно-демократическое болото.

Но неужели же, товарищи, мы и теперь, при такомъ выдающемся событіи въ нашей партіи, какъ и раньше, ограничимся благодушнымъ молчаніемъ и съ болью въ сердцѣ отдадимъ свою пролетарскую судьбу безжалостнымъ волнамъ стихіи? Неужели и это явленіе, это событіе не заставитъ насъ очнуться, оглядѣться вокругъ и постараться по мѣрѣ силъ нашихъ найти возможность во что бы то ни стало, бороться съ этой стихійностью за сохраненіе цѣлости нашего пролетаріата? Неужели-такъ таки всѣ пути для этого заказаны? Нѣтъ, товарищи! Теперь очередь за нами; теперь должны мы, сознательные рабочіе, сказать свое вѣское слово по этому поводу. Иначе, вся отвѣтственность предъ рабочимъ классомъ Россіи за послѣдствія дѣяній его „руководителей" всей своею тяжестью падетъ на насъ, на нашей совѣсти ляжетъ несмываемое пятно.

И особенно теперь, когда близкій конецъ „самодержавной" Россіи логикой событій заставляетъ иную — „буржуазную" — Россію радикальныхъ оттѣнковъ и взглядовъ сгруппироваться, сплотиться въ единую силу для того, чтобы занять себѣ подобающее мѣсто въ будущемъ свободномъ россійскомъ государствѣ. Она навѣрно не преминетъ въ интересахъ своихъ уже и сейчасъ взять подъ свое *буржуазное* крылышко революціонно-настроенныя рабочія массы съ тѣмъ, чтобы потомъ съ большей возможностью и силой отбросить ихъ назадъ отъ участія въ политической жизни страны: — особенно, говорю, теперь, если мы, сознательная ихъ часть, не предпримемъ никакихъ шаговъ къ огражденію цѣльности и самостоятельности политики этихъ революціонныхъ массъ,—тогда это будетъ, товарищи, равносильно самому вопіющему преступленію съ *нашей* стороны. Я потому, товарищи, говорю „мы рабочіе" и обращаюсь исключительно къ „сознательнымъ товарищамъ *рабочимъ*" потому, что изсякла уже окончательно вѣра въ *политическій тактъ, пролетарскую солидарность и партійную искренность* большей части нашихъ „пролетарскихъ руководителей". Вспомнимъ, товарищи, всѣ перипетіи, методы и формы той борьбы, которая велась и ведется нынѣ въ нашей партіи; вспомнимъ, гдѣ, когда наши руководители отдавали предпочтеніе требованіямъ положительной соціальдемократической пролетарской работы предъ своими личными кружковогоистичными симпатіями и антипатіями? Гдѣ, когда они считали для себя долгомъ выслушивать и считаться, въ интересахъ партійнаго развитія, съ волей сознательныхъ ея членовъ рабочихъ? Гдѣ, когда, наконецъ, они осуществляли всѣ свои красивыя словечки и благія пожеланія о „пролетарской самодѣятельности", „дисциплинѣ", „гражданскомъ равноправіи" и т. п.? Гдѣ, наконецъ, плоды всѣхъ ихъ якобы примирительныхъ начинаній, объединительныхъ попытокъ, которыми мы были такъ сладко усыплены и тѣмъ отвлекли свое собственное вниманіе отъ личнаго, активнаго участія въ партійныхъ передрягахъ и конфликтахъ для того, чтобы положить имъ *дѣйствительный* конецъ? Вспомнимъ все это, и тогда ясно станетъ, почему я обращаюсь именно къ вамъ, *товарищамъ рабочимъ*; ясно станетъ также и то, что надѣяться можемъ мы только на самихъ себя, что только сами мы можемъ при желаніи съ нашей стороны, а оно необходимо, столковаться предварительно между собою, могли бы хоть въ нѣкоторой степени воспрепятствовать разложенію цѣльной, единой рабочей партіи, а значитъ и — обезпечить хоть сколько-нибудь пролетаріату нашему самодѣятельность его роли въ предстоящей буржуазной революціи. Таковымъ, по моему глубокому убѣжденію, должно быть не только наше желаніе, но и прямая наша обязанность.

И если до сихъ поръ среди насъ находились еще столь наивные товарищи, которые все еще надѣялись на разныя примирительныя попытки со стороны нашихъ борющихся „главарей" и вмѣстѣ съ ними успокаивали себя, что эта борьба есть нѣчто „наносное", „скоропреходящее" и т. п., то теперь послѣ III-го „съѣзда" они должны будутъ отрезвиться и понять, что надежды ихъ сейчасъ должны рухнуть.

Правда, „меньшевики" (т. е. другая самостоятельная часть партіи) въ своихъ послѣднихъ резолюціяхъ[2]) все еще остаются глухими къ бьющимъ въ лицо фактамъ дѣйствительности, и опять начинаютъ говорить о какихъ то примирительныхъ пріемахъ (платформа тожъ), которые будутъ ими приняты, и выражаютъ твердую свою увѣренность, что это должно имъ удасться, ссылаясь на то, что, дескать, программа партіи на III „съѣздѣ" не потерпѣла измѣненій, а значитъ исповѣдуется обѣими частями, и что даетъ имъ будто возможность сойтись на нивѣ положительной практической работы. Но, товарищи, кто же изъ насъ не знаетъ, какую цѣну и вѣсъ имѣютъ всѣ эти аргументы въ пользу примиренія въ устахъ и умахъ наибольшей части нашихъ „пастырей", и какую цѣну они придаютъ тому, что фактически ихъ объединяетъ одна программа. Развѣ до сихъ поръ намъ этого не говорили? Развѣ не выражались до сихъ поръ надежды на объединеніе при „практической работѣ"? Обратимся къ дѣйствительности и она рельефнѣе всего покажетъ намъ, что это были только слова, можетъ быть, благія „маниловскія" побужденія, все, что хотите, но только отнюдь не дѣйствительныя, твердыя рѣшенія — поступаться въ интересахъ партійнаго единства своими кружковыми побѣдами. Развѣ послѣдній годъ, годъ столь быстраго политическаго раскрѣпощенія Россіи, годъ, который требовалъ отъ нашей партіи наивысшаго напряженія всей ея энергіи на положительную, душу захватывающую работу, а не словъ, дѣйствовалъ на нихъ примиряюще? Развѣ великіе историческіе январьскіе дни въ Петербургѣ, которые, по общему признанію, положили начало русской революціи, когда, казалось, всѣ искренно-преданные дѣлу пролетаріата работники, должны были хоть на время забыть свои дрязги, междоусобицы, — хоть на время сойтись затѣмъ, чтобы сообща направить всѣ усилія къ поддержкѣ борьбы, начатой питерскими товарищами; даже это время, эти великіе дни, не оказали на нихъ никакого вліянія.

И какъ разъ въ это время, когда, кажется, камни вопіяли о необходимости дѣйствительной совмѣстной работы — какъ разъ тогда въ цѣломъ рядѣ городовъ происходитъ совершенно обратное. Въ Одессѣ 11 января „меньшевики" откалываются отъ „большевиковъ" и приблизительно въ это же время происходитъ то же въ Екатеринославѣ, Николаевѣ и др. городахъ. А отношенія между ними въ самомъ Петербургѣ, затѣмъ политика Ц. К., „съѣздъ", его созывъ, его характеръ и, благодаря этому, вынужденное неучастіе въ немъ цѣлой категоріи партійныхъ организацій — все это, товарищи, ясно должно намъ служить урокомъ, какъ впредь относиться къ подобнымъ *надеждамъ и иллюзіямъ*. И повторяю, тѣ искренніе товарищи изъ „меньшинства", которые продолжаютъ и по сей день питаться подобными иллюзіями — тѣмъ самымъ показываютъ только свою *политическую невмѣняемость* — то же касается „одной объединяющей программы", то и этотъ аргументъ можетъ только подтвердить и укрѣпить невѣріе наше въ возможность объединенія. Въ томъ то и дѣло, что разногласія, раздѣляющія нашихъ работниковъ, до самаго послѣдняго времени вращались, исключительно, въ рамкахъ *организаціонныхъ*, и лишь впослѣдствіи задѣли нѣсколько и тактическую область; но, во всякомъ случаѣ, они, какъ были, такъ и есть, не столь велики, чтобы съ такимъ легкимъ сердцемъ изъ-за нихъ расколоть партію. Вмѣстѣ съ тѣмъ и несмотря на все это, руководители наши все-таки раскололи ее, и еще въ моментъ, когда исторія требуетъ отъ нея наивысшей максимальной энергіи въ сплоченныхъ дѣйствіяхъ. Это только лишній разъ подтверждаетъ нашъ взглядъ, что руководителямъ нашимъ чужда *партійность*, чужды *интересы пролетаріата* и его предстоящаго *революціоннаго выступленія*; и что къ принятію разныхъ программъ и резолюцій, они считаются исключительно сами съ собой — съ узкими влеченіями своей личности и только.

Слыхано-ли это гдѣ, товарищи? Имѣло-ли мѣсто въ исторіи пролетарскихъ партій другихъ странъ, чтобы вожди разрывали партію изъ-за разногласій такого рода?!! Вспомнимъ, товарищи, какъ въ Германіи, во время существованія лассальянцевъ и эйзенахцевъ — несмотря на всѣ тѣ глубокія тактическія и даже программныя разногласія, которыя ихъ разъединяли (куда поглубже и посерьезнѣе нашихъ) и на всю ту борьбу, которая ихъ

[2]) См. брошюру „первая общерусская конференція" къ изданію „Искры".

[illegible] колоссальное.

Всю ночь мы провели въ страшномъ напряженіи, такъ какъ передъ нами вспыхнула грозная картина пожара всего одесскаго порта. Всю ночь раздавалась неумолкаемая ружейная трескотня и гулъ залповъ. Но какъ и чѣмъ мы могли помочь разстрѣливаемой беззащитной толпѣ рабочихъ, мы не знали. Хотѣли было открыть орудійную пальбу по набережной, но, во-первыхъ, у насъ не были установлены на орудіяхъ соотвѣтствующіе приборы для ночной стрѣльбы, а во-вторыхъ, мы не были увѣрены въ томъ, что на набережной находятся только войска и нѣтъ тамъ народу. Стрѣлять же на угадъ въ городъ мы считали безсмысленнымъ вандализмомъ и боялись невинныхъ жертвъ. Поэтому, мы рѣшили подождать утра, предполагая къ этому времени получить всѣ необходимыя намъ свѣдѣнія.

Еще одинъ знаменательный фактъ имѣлъ мѣсто въ этотъ день. Это прибытіе на наше судно трехъ пѣхотныхъ солдатъ-депутатовъ. Они пріѣхали отъ имени организованной части товарищей своихъ полковъ заявить о своей готовности присоединиться къ намъ, разъ только мы приступимъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, и говорили о томъ, что настроеніе въ массахъ войска самое благопріятное. Конечно, вся наша команда ихъ привѣтствовала съ восторгомъ.

Этимъ закончился первый день самостоятельной жизни первой россійской плавающей республики.

Утро слѣдующаго дня началось тѣмъ, что рѣшено было сейчасъ же свезти на берегъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ на нашемъ суднѣ офицеровъ, такъ какъ содержаніе ихъ подъ конвоемъ было для насъ лишь лишней обузой.

Затѣмъ на берегъ отправили 12 человѣкъ товарищей для похоронъ Вакуленчука.

Въ это время къ намъ опять стали подъѣзжать шлюпки изъ города, привозя самыя трагическія извѣстія. Оказалось, что за ночь было убито больше, чѣмъ 600 человѣкъ рабочихъ, и дальнѣйшимъ избіеніямъ не видно было конца.

Какъ только были получены эти свѣдѣнія, то сейчасъ же была созвана для совѣщанія вся команда. Первое время по вопросу о началѣ рѣшительныхъ дѣйствій произошелъ почти полный расколъ. Но съ рѣчью поднялся товарищъ М. Говорилъ онъ не долго, но каждое его слово было какъ бы извуномъ, и частью его наболѣвшей души, частью народной скорби. Въ заключеніе, обращаясь къ оппозиціи, онъ сказалъ: „вотъ мы, соціальдемократы, здѣсь всѣ передъ вами. Насъ всего человѣкъ 200—300, и мы всѣ, какъ одинъ, рѣшили честно умереть за свободу вмѣстѣ съ нашими братьями-рабочими, чѣмъ позорно качаться въ петляхъ отъ рукъ нашихъ кровопійцъ-палачей.

Если вы не согласны съ нами, если вы считаете насъ разбойниками и преступниками, то возьмите сейчасъ же винтовки и перебейте насъ, какъ собакъ. Послѣ этого вы можете со славой и почетомъ вернуться къ своему прежнему начальству, къ своему отцу и матери.

Насъ наградятъ, васъ встрѣтятъ съ музыкой и почестями".

„Нѣтъ, нѣтъ!!!", раздалось оглушительно изъ сотенъ грудей. „Мы всѣ вмѣстѣ идемъ, мы всѣ вмѣстѣ умремъ за одно дѣло!!"

„Ну, если такъ", продолжалъ М., „то сегодня же начнемъ бомбардировать городъ и отплатимъ за рабочихъ всѣмъ озвѣрѣвшимъ тиранамъ".

„Согласны?" — „Согласны", загремѣли всѣ, какъ одинъ.

После этого рѣшено было приготовиться къ бомбардировкѣ города. Предварительно мы постарались всѣми имѣвшимися у насъ способами извѣстить мирныхъ жителей Одессы о предполагающейся бомбардировкѣ города и указать имъ мѣсто, гдѣ они могли бы быть въ полной безопасности отъ нашихъ зарядовъ.

Часовъ въ 5 вечера съ нашего броненосца раздались первые пушечные выстрѣлы. Сначала мы дали три холостыхъ, какъ салютъ хоронимому товарищу и какъ предупрежденіе, а затѣмъ начали стрѣлять боевыми изъ 6 дм. орудій.

Заряды наши направлялись въ домъ командующаго войсками и въ театръ, около котораго была расположена артиллерія и войско.

Но, къ нашему огорченію, оба первыхъ заряда сдѣлали перелетъ и не попали въ цѣль. Это страшно насъ всѣхъ огорчило и передъ всѣми нами всталъ призракъ незанно пролитой, и [illegible]

Въ это же время мы неожиданно перехватили по [illegible] волочному телеграфу извѣстіе, что гдѣ-то не подалеку находится остальная эскадра.

Ввиду всѣхъ этихъ соображеній, рѣшено было пока не продолжать обстрѣлъ города, а послать къ командиру войска трехъ депутатовъ отъ насъ.

Депутаты должны были категорически потребовать прекращенія народнаго избіенія, освобожденія всѣхъ политическихъ изъ тюрьмы и разоруженія войскъ. Однако, командующій войсками не пожелалъ лично разговаривать съ нашими депутатами, а передалъ лишь черезъ своего полковника, что „богъ и люди имъ судьи" и что онъ не желаетъ вести никакихъ съ нами разговоровъ.

Съ этимъ наша депутація въ полной неприкосновенности вернулась обратно.

Очевидно, рѣшительныя и наступательныя дѣйствія становились неизбѣжны. Однако, для того, чтобы стрѣльба была бы хоть сколько нибудь цѣлесообразна и не носила бы характера огульнаго разрушенія, намъ необходимъ былъ точный и топографическій планъ города, а такого у насъ не было.

Кромѣ того, мы должны были знать, хоть приблизительно, гдѣ и какія части войскъ расположены, а этихъ свѣдѣній мы пока не имѣли. Все это насъ заставляло предварительно выждать болѣе благопріятнаго момента.

Съ этими мыслями мы и провели ночь съ 16 на 17. Утромъ рано показалась далеко, далеко на горизонтѣ эскадра и скрылась. Мы зафрахтовали частный пароходъ и отправили его на развѣдки. Часа черезъ два эскадра вновь показалась на горизонтѣ. Тогда мы быстро снялись съ якоря и въ совершенной боевой готовности, съ рѣшимостью дорого продать свою жизнь, двинулись полнымъ ходомъ на приближающуюся къ намъ эскадру.

Но лишь только она это замѣтила, какъ повернулась сейчасъ-же обратно и также полнымъ ходомъ скрылась съ нашихъ глазъ.

Мы вернулись и стали на прежнее мѣсто.

Эта первая наша побѣда сильно подняла духъ всей команды. На лицѣ у всѣхъ было написано торжество и сознаніе своей силы, такъ какъ даже для самыхъ темныхъ изъ команды было ясно, что у эскадры не хватило рѣшимости подойти къ намъ, что эскадра попросту перетрусила и отступила. Команда успокоилась и сѣла обѣдать.

Послѣ обѣда къ вечеру эскадра показалась вновь на горизонтѣ, и, въ составѣ 5 броненосцевъ и цѣлой минной флотиліи, шла на всѣхъ парахъ прямо на насъ съ видимой цѣлью аттаковать насъ со всѣхъ сторонъ. Мы, видя, какъ боевая колонна броненосцевъ и миноносокъ приближается къ намъ, дали сейчасъ же боевую тревогу, снялись съ якоря и стремительно пошли на встрѣчу, готовые принять бой и почетно умереть на благо нашего измученнаго народа. Пушки, мины и все прочее у насъ было готово для самой отчаянной схватки. Грандіозная и величественная картина представилась напряженнымъ взорамъ товарищей на берегу, когда нашъ грозный красавецъ молча врѣзался въ боевую колонну цѣлой эскадры и раздѣлилъ ее на двѣ части. Всѣ мы при этомъ съ крайнимъ напряженіемъ ожидали только перваго выстрѣла въ насъ, чтобы пустить въ ходъ всю нашу страшную истребительную машину на дѣло защиты народной свободы.

Но каково же было наше удивленіе, когда съ трехъ изъ броненосцевъ эскадры, вмѣсто пушечныхъ залповъ, грянуло дружное, оглушительное ура!

Вмигъ часть нашей команды побросала пушки, выскочила на верхъ и отвѣтила не менѣе дружными и восторженными криками.

Мы кричали своимъ товарищамъ матросамъ, чтобы они сейчасъ же присоединились къ намъ и чтобы всѣ они единодушно стали на сторону угнетеннаго русскаго трудящагося люда и объявили немедленно рѣшительный бой нашимъ вѣковымъ угнетателямъ и тиранамъ.

Въ отвѣтъ раздалось опять дружное „ура".

Въ это время эскадра прошла къ порту, а мы очутились въ морѣ. Боясь быть отрѣзанными отъ своей базы, мы круто повернули обратно и вновь повели наступленіе на эскадру, которая пришла въ полное замѣшательство и полнымъ ходомъ стала отступать, держа курсъ на Севастополь.

[illegible] мы, повернувшись въ догонку за эскадрой, [illegible] пошли за ней тихимъ ходомъ.

Вдругъ мы видимъ, что одинъ изъ броненосцевъ сталъ постепенно отставать отъ всей эскадры и потомъ, круто повернувшись, пошелъ къ намъ. Не зная еще его намѣреній, мы, не подпуская его близко къ себѣ, дали ему приказаніе немедленно стать на якорь, что онъ и исполнилъ.

Это былъ „Георгій Побѣдоносецъ", съ котораго намъ передали сигналами, что вся команда „Георгія" проситъ прибыть къ себѣ на судно депутатовъ отъ нашихъ товарищей. Депутація была отправлена немедленно подъ охраной нашего миноносца.

При своемъ приближеніи она была встрѣчена восторженными криками. Первымъ на судно взошелъ товарищъ матросъ М., который въ своей краткой, но сильной рѣчи изложилъ революціонную исторію нашего броненосца, его дальнѣйшія цѣли и намѣренія, призывая въ заключеніе къ солидарности всего флота и къ объединенію для достиженія одной общей цѣли. Оглушительное „согласны" было отвѣтомъ на его рѣчь.

Вторымъ взошелъ и говорилъ товарищъ Кириллъ, депутатъ отъ Одесской соц.-дем. организаціи.

Обратившись къ товарищамъ матросамъ, онъ заговорилъ о той безпощадной борьбѣ, которая, разливаясь отъ края до края, охватила въ настоящее время пожаромъ возстанія почти всю нашу многострадальную родину.

Измученный, забитый и безправный трудящійся людъ не находитъ больше терпѣнія сносить свое вѣковое униженіе и безправіе. Онъ предпочитаетъ лучше выходить на улицы городовъ и деревень и умирать отъ руки своихъ же сыновей и братьевъ, переодѣтыхъ въ солдатскіе наряды и направляемыхъ на него деспотическими тиранами, истерзавшими своей кровожадностью всю нашу матушку Русь.

Неужели же мы и дальше будемъ слѣпыми палачами самихъ себя, неужели мы никогда честной смертью не смоемъ проклятья, тяготѣющаго надъ нами, какъ братоубійцами?

Нѣтъ, мы, матросы „Потемкина", рѣшили стряхнуть съ себя это тяжелое ярмо убійцы своего же народа. Мы открыто заявляемъ объ этомъ, и отнынѣ мы не только не прольемъ ни одной капли невинной крови нашихъ братьевъ, но и никому не позволимъ проливать ее безнаказанно..."

Взрывъ энтузіазма и буря восторженныхъ криковъ заглушили голосъ товарища.

Вы, гг. офицеры, продолжалъ тов. Кириллъ, послѣ минутнаго перерыва, обращаясь ко всѣмъ офицерамъ, собравшимся въ волненіи плотной кучкой около рубки,

Вы, — продажные слуги народныхъ тирановъ и слѣпое орудіе ихъ кровавыхъ замысловъ.

Много невинной крови лежитъ на вашей зачерствѣлой совѣсти.

Но теперь пришелъ часъ народнаго суда. Ваша роль сыграна. Вы служили старому порядку деспотическаго самодержавія въ качествѣ наемныхъ холоповъ царя и его сподвижниковъ. Но теперь на смѣну ему грозно и неумолимо надвигается новый порядокъ, порядокъ народной свободы и обновленія всей обветшалой родины. Этотъ часъ для насъ уже наступилъ и вамъ здѣсь теперь не мѣсто. Судно, выстроенное трудомъ и потомъ народнымъ, отнынѣ переходитъ въ его собственныя руки и послужитъ на благо и защиту его, а не на его порабощеніе и угнетеніе.

Да здравствуетъ народное освобожденіе! Долой тирановъ!

Именемъ народа всѣ вы немедленно арестуетесь. (Тутъ раздался выстрѣлъ и трупъ самоубійцы, миннаго офицера, полетѣлъ съ самаго верху и скрылся въ морской глубинѣ).

Вслѣдъ за этимъ, раздалась команда „караулъ въ ружье!" и офицеры съ понурыми головами, блѣдными, вытянутыми лицами, были отведены подъ конвоемъ въ каютъ кампанію.

Черезъ нѣкоторое время всѣхъ ихъ на катерѣ свезли на берегъ, снявши предварительно съ нихъ погоны и всѣ военныя регаліи.

„Георгій Побѣдоносецъ" подошелъ и сталъ на якорѣ возлѣ „Потемкина".

Ликованію и одушевленію не было конца и предѣла.

Затѣмъ часть товарищей съ „Потемкина" прибыла на вновь присоединившійся броненосецъ, чтобы помочь организовать на немъ новые порядки. Въ этомъ прошелъ весь остатокъ дня и ночь.

Теперь у насъ была уже своего рода эскадра. [illegible]

[illegible] про разногласія, не ставили (какъ то имѣетъ мѣсто у насъ) судьбу пролетарской борьбы на карту кружковой игры, и на Готскомъ партейтагѣ они сошлись на взаимныхъ уступкахъ, по настоянію покойнаго „солдата-революціи" Либкнехта, Бебеля и др. И теперь германскій пролетаріатъ, несмотря на новѣйшія попытки разныхъ „ревизіонистовъ", являетъ собою величайшую въ мірѣ, по своему количеству и качеству, рабочую соц.-дем. партію. Это потому, что руководителями германскаго пролетаріата, по преимуществу, являлись сами пролетаріи и, во всякомъ случаѣ, всегда всѣ свои поступки они дѣлали подъ угломъ зрѣнія интересовъ пролетаріата. У насъ же совершенно все наоборотъ. И это послѣ того, когда всѣ они на Амстердамскомъ конгрессѣ голосовали за резолюцію относительно „цѣлости и единства пролетаріата". Выходитъ, что какъ программы, такъ и всяческія, принимаемыя ими, резолюціи, служатъ для нихъ какими-то покрывалами, подъ которыми скрываются ихъ истинныя физіономіи.

Пора же, наконецъ, товарищи, познать намъ все это, и сознавши, не ждать, какъ до сихъ поръ, пока какая то невидимая сила вдунетъ нашимъ руководителямъ духъ мира, — а самимъ сейчасъ же, не медля ни минуты, начать строить ту пролетарскую крѣпость, которая одна въ состояніи будетъ защитить нашъ пролетаріатъ отъ „иноземнаго" буржуазнаго нашествія и тѣмъ сохранить его *пролетарское единство*. То, что не умѣли или не способны были выполнить наши руководители, должны мы, подъ страхомъ *самоуничтоженія*, додѣлать. Быть можетъ, горячее и активное наше выступленіе сейчасъ послужитъ и имъ на пользу, и должнымъ образомъ возымѣетъ вліяніе и на нихъ. А потому, товарищи-рабочіе, *безразлично къ какой части партіи вы принадлежите*, я еще разъ взываю къ вамъ: *пробудитесь!* Пробудитесь и, въ интересахъ *всей рабочей* Россіи, старайтесь сохранить свою пролетарскую *цѣлину*; не давайте втягивать себя въ ту борьбу, которая сейчасъ происходитъ на верхахъ партіи и которая не сегодня, завтра ареной своей изберетъ широкія пролетарскія массы; противодѣйствуйте всевозможными средствами перенесенію этой борьбы въ пролетарскія массы, ибо только это будетъ вѣрнѣйшимъ залогомъ къ сохраненію *самостоятельности* нашей пролетарской борьбы въ предстоящей буржуазной революціи. Это требуетъ отъ васъ ваша совѣсть по отношенію къ той исторической миссіи, которая выпала на долю русскаго пролетаріата. Этимъ самымъ исполните вы долгъ свой предъ родиной и предъ всемірнымъ пролетаріатомъ, взоры котораго устремлены теперь на насъ, русскихъ рабочихъ.

Собирайтесь же повсюду, товарищи, толкуйте о той опасности, которая грозитъ пролетаріату, при условіи междоусобной войны въ немъ; свяжитесь, товарищи разныхъ городовъ, между собою, ведите неустанную по этому поводу агитацію въ самыхъ широкихъ массахъ и, если возможно будетъ, устройте дѣйствительный съѣздъ рабочей партіи, на которомъ вы отъ имени всего организованнаго пролетаріата Россіи громогласно выскажете свое пролетарское отношеніе къ совершившемуся расколу, и къ той новой фазѣ борьбы, которая начнется теперь между двумя партіями. Открыто и смѣло заявляйте, что вы всѣ свои усилія приложите къ тому, чтобы не дать россійскому пролетаріату распасться на нѣсколько враждующихъ между собою сторонъ, что вы рѣшили всѣмъ, чѣмъ возможно будетъ, оградить его отъ чьихъ бы то ни было кружково-эгоистическихъ поползновеній и тѣмъ самымъ обезпечить самимъ его единство и самостоятельность.

[illegible] и быть въ рядахъ пролетарскихъ массъ, то лишь въ томъ случаѣ мы сможемъ примкнуть къ нимъ; когда всѣ ихъ тактическіе взгляды будутъ носить *дѣйствительную пролетарскую* окраску и когда ихъ организаціонныя рамки будутъ достаточно широки для того, чтобы сознательные пролетаріи могли бы проявлять *дѣйствительно* въ нихъ свою самостоятельность и самодѣятельность.

Правда, товарищи, дѣло это очень сложно и трудно, оно требуетъ отъ насъ тщательнаго взвѣшиванія и обдумыванія, ибо нашъ партійный кризисъ, по моему глубокому убѣжденію, не есть плодъ злой воли Мартова или Ленина, а причины его лежатъ глубоко, глубоко въ специфической нашей россійской дѣйствительности, плодомъ которой являются и мартовцы и ленинцы, а потому и борьба съ ними не столь легка, но что же дѣлать? это только усложняетъ нашу задачу, но отнюдь не уничтожаетъ ее. Правда и то, товарищи, что нѣкоторымъ образомъ и мы сами виноваты въ продолжительности этого кризиса и его теперешнихъ послѣдствіяхъ, — виноваты тѣмъ, что, во-первыхъ, мы до сихъ поръ слишкомъ были инертны вообще въ партійной жизни, а во-вторыхъ, и это главное, что нѣкоторые наиболѣе рьяные изъ насъ, ознакомившись нѣсколько съ характеромъ разногласій и не видя впереди возможности раскола, сами тоже втянулись въ узкія рамки то „большинства", то „меньшинства". Нѣкоторые изъ насъ, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать, въ виду характера разногласій, возможному и необходимому объединенію — сами, сломя голову, бросились въ эту, раздиравшую партію, борьбу и тѣмъ приблизили моментъ раскола. Но если это было до сихъ поръ, то сейчасъ, по вышеизложеннымъ мотивамъ, этому мѣста среди насъ быть не должно. Сейчасъ мы должны остановиться и сказать: *довольно!* Довольно, ибо, товарищи, *теперь или никогда!*

Теперь или никогда! такъ стоитъ передъ нами сейчасъ этотъ вопросъ. Теперь на работу за возстановленіе пролетарскаго *соц.-дем. единства*, или *прощай* соціальдемократичность нашего рабочаго движенія на долгое, очень долгое время. *Выбирайте!* Поспѣшите же, товарищи, ибо вы чувствуете какъ почва изъ подъ вашихъ ногъ начинаетъ уходить, и революція властно стучится къ намъ въ двери.

„Рабочій" одинъ изъ многихъ.

„БОЛЬШЕВИСТЫ" НА ИЗНАНКУ.

Помѣщаемое выше письмо рабочаго заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Авторъ письма называетъ себя „однимъ изъ многихъ", и мы имѣемъ основаніе думать, что онъ въ этомъ отношеніи не ошибается: очень многіе сознательные рабочіе выражаютъ крайнее неудовольствіе партійнымъ расколомъ, и многіе изъ нихъ склонны искать выхода изъ нашего партійнаго кризиса въ томъ направленіи, въ которомъ его ищетъ авторъ письма.

По стольку это настроеніе проявляется въ рѣшимости нашихъ товарищей рабочихъ болѣе активно вмѣшаться въ партійную жизнь, и своимъ вмѣшательствомъ содѣйствовать возстановленію партійнаго единства, мы можемъ его только привѣтствовать. Но внимательное чтеніе письма „Рабочаго" насъ убѣждаетъ, что авторъ, поставивъ себѣ хорошую цѣль, идетъ къ ней невѣрнымъ путемъ. [Авторъ письма — „одинъ изъ многихъ" сознательныхъ

[illegible] между периферіей и комитетами, ненормальность, возведенную одной частью партіи въ принципъ и далеко не устраненную другой частью партіи. Не умѣя связать этого частнаго, хотя и весьма серьезнаго, недуга нашей партійной жизни съ болѣе общей и коренной ея болѣзнью, авторъ письма исключительно съ точки зрѣнія этого недуга объясняетъ весь нашъ партійный кризисъ, исключительно съ этой точки зрѣнія ищетъ изъ него выхода.

Основная мысль автора такова: расколъ, разорвавшій нашу единую партію, произошелъ непосредственно отъ того, что большинство нашихъ интеллигентскихъ руководителей обѣихъ фракцій лишены чувства пролетарской солидарности и сообразуются исключительно со своими кружковыми эгоистическими разсчетами. Положить предѣлъ партійному расколу могутъ только сознательные рабочіе обѣихъ фракцій. Для этого необходимо и достаточно, чтобы эти сознательные рабочіе, разрушивъ тѣсныя рамки „большинства" и „меньшинства" и отстранившись отъ споровъ и разногласій, раздирающихъ эти обѣ фракціи, взяли въ свои руки организацію партіи. Такая партія, обезпечивая дѣйствительную самодѣятельность и самостоятельность сознательныхъ рабочихъ, будетъ оберегать свое единство и спасетъ пролетаріатъ въ настоящій критическій революціонный моментъ „отъ погруженія въ буржуазно-демократическое болото".

Съ точки зрѣнія автора, нашъ партійный кризисъ будетъ разрѣшенъ исключительно и всецѣло внутренней организаціонной перестройкой въ старыхъ партійныхъ рамкахъ, перемѣщеніемъ центра партійнаго руководства отъ интеллигентскихъ верховъ партіи къ ея пролетарскимъ низамъ. Все, что помимо этого придумывалось, и въ частности „меньшевиками", для выхода изъ партійнаго кризиса, все это только маниловщина, иллюзіи, усыплявшія сознательныхъ рабочихъ, отвлекавшія ихъ вниманіе отъ главнаго вопроса и вовлекавшія ихъ въ безплодную фракціонную борьбу изъ за несущественныхъ разногласій.

Авторъ письма — давнишній ярый противникъ такъ называемаго „большинства"; но, критикуя его, онъ становится на ту-же почву организаціоннаго утопизма, на которой всегда стояли „большевики", съ той разницей, что „большевики" сочувствуютъ „кулаку сверху", а нашъ авторъ „кулаку снизу"; онъ — большевикъ на изнанку.

Раздѣляя упрощенный, прямолинейный методъ мышленія „большевиковъ", ища исцѣленія отъ всѣхъ бѣдъ исключительно въ организаціонной перестройкѣ, въ перемѣщеніи музыкантовъ, онъ естественно обнаруживаетъ безпомощность въ анализѣ нашего партійнаго кризиса и то и дѣло запутывается въ противорѣчіяхъ.

Отмѣтимъ одно, наиболѣе характерное. Чтобъ доказать, какую малую цѣну имѣли „фразы" меньшевиковъ о необходимости объединенія на почвѣ „практической работы", онъ ссылается на факты изъ нашей партійной жизни въ январскіе дни. Въ „эти дни", говоритъ онъ, „когда, казалось, всѣ искренно преданные дѣлу пролетаріата работники должны были хоть на время забыть свои дрязги... когда, кажется, каждый вопіялъ о необходимости совмѣстной работы... въ Одессѣ 11 января меньшевики откалываются отъ большевиковъ и приблизительно въ это же время происходитъ тоже въ Екатеринославѣ, Николаевѣ и другихъ городахъ". Мы спрашиваемъ автора: успѣлъ ли онъ уже забыть про то, что „меньшевики" въ этихъ городахъ „откалывались" исключительно потому, что, при режимѣ осаднаго положенія, царившаго тамъ, имъ не давали доступа къ работѣ

[illegible] уже рисовались планы завоеванія политической свободы для всего юга Россіи и распространенія ея на всю многострадальную родину.

18-го утромъ рано мы уже были всѣ на ногахъ и часть изъ насъ отправилась опять на „Побѣдоносецъ“. Каково же было наше удивленіе и огорченіе, когда по прибытіи туда мы уже не нашли вчерашняго единодушія среди команды. Для насъ было ясно, что всю ночь кто то велъ усиленную пропаганду разложенія и, дѣйствительно, раскололь команду на двѣ явно враждебныя другъ другу части. Всякія попытки объединенія съ нашей стороны встрѣчались одной частью шумомъ, мѣшавшимъ намъ говорить, а съ другой криками и просьбами продолжать наши рѣчи. Однако, мало по малу, удалось разъяснить выгоды солидарности и успокоить обѣ стороны, поднявши снова по всей командѣ духъ бодрости и увѣренности въ своей громадной силѣ.

Послѣ улаженія всего этого приступили къ рѣшенію вопроса — что дѣлать дальше? Тутъ-то опять и обнаружилось, что среди команды образовалась какая-то подпольная группа, поставившая своей задачей пожать лавры предательства и выслужиться своимъ холопствомъ передъ начальствомъ. Эта группа усиленно пропагандировала мысль о необходимости пойти сейчасъ-же на встрѣчу всей остальной ескадрѣ или же въ Севастополь и вступать въ переговоры съ начальствомъ. Когда же ихъ спрашивали, какіе же это будутъ переговоры и чего мы ими должны добиться, то они тщательно избѣгали прямыхъ отвѣтовъ и говорили весьма туманно, на каждомъ словѣ противорѣча самимъ себѣ.

Только позднѣе мы догадались о причинѣ всей этой неурядицы и спохватились о громадномъ промахѣ, который мы сгоряча и на радостяхъ совершенно не предусмотрѣли. Промахъ этотъ, погубившій впослѣдствіи все наше великое дѣло, заключался въ томъ, что мы не арестовали и не высадили на берегъ, вмѣстѣ съ офицерами, такъ называемыхъ кондукторовъ, этихъ сверхсрочныхъ солдатскихъ шкуръ, у которыхъ 20-тилѣтняя муштра, прислужничество и холопство передъ всякимъ начальствомъ сдѣлались неотъемлемой частью ихъ подлаго существа.

Съ большимъ трудомъ намъ все таки удалось убѣдить команду не предпринимать ничего, пока товарищи „Потемкина“ не обсудятъ также всѣхъ этихъ вопросовъ. Съ этимъ мы уѣхали обратно къ себѣ. Прибывши на свое судно, мы разсказали, въ чемъ дѣло, и команда наша единодушно рѣшила, что въ Севастополь она не пойдетъ, а сегодня же вечеромъ ударитъ всей своей силой вооруженія на Одессу, чтобы выгнать оттуда войска, вооружить изъ городского арсенала весь рабочій людъ, установить независимое народное управленіе и обезпечить себѣ такимъ образомъ, базу и тылъ. А дальше можно было уже соотвѣтствующимъ образомъ встрѣтить и эскадру, если-бы она вновь вздумала сдѣлать нападеніе.

Принявъ такое рѣшеніе, мы вновь послали своихъ депутатовъ для передачи его „Побѣдоносцу“. А сами приступили къ нагрузкѣ угля, которого намъ удалось раздобыть больше 100,000 пудовъ.

Въ это же время мы отправили печатное извѣщеніе къ командующему войсками, заключающее цѣлый рядъ требованій — освобожденіе всѣхъ заключенныхъ изъ тюремъ, выводъ изъ города всѣхъ войскъ, предоставленіе арсенала въ распоряженіе народа, немедленная доставка намъ провизіи и всего необходимаго и пр. и пр. — въ заключеніе говорилось, что если хотя одно изъ этихъ требованій не будетъ удовлетворено, то мы приступимъ къ бомбардировкѣ города и постараемся силой захватить его въ свои руки.

Но вдругъ на нашемъ суднѣ закричали, что „Побѣдоносецъ“ снялся съ якоря.

И дѣйствительно, „предатель“ вздумалъ удариться отъ насъ въ бѣгство вмѣстѣ со всѣми нашими депутатами.

Мы немедленно приказали ему вернуться, но онъ прибавилъ только ходу. Тогда мы дали боевой сигналъ и наши 12-ти дюймовыя орудія совсѣмъ уже готовы были дать залпъ по измѣнникамъ, какъ они перетрусили и круто повернули обратно.

Озлобленію и негодованію среди нашей команды на подобный измѣнническій образъ дѣйствій не было границъ. И я увѣренъ, что не вернись „Побѣдоносецъ“, онъ былъ бы потопленъ нашими зарядами въ нѣсколько секундъ.

Однако, „предатели“ добивались своего и вмѣсто того, чтобы встать на прежнее свое мѣсто, они полнымъ ходомъ завели броненосецъ въ портъ. Черезъ [illegible] минутъ катера привезли оттуда нашихъ депутатовъ. Товарищи заявили, что вся команда тамъ вовсе не хотѣла дѣйствовать такъ измѣннически, и что виной всему этому врачъ Голенко, кондуктора и особенно одинъ изъ нихъ, который неосмотрительно былъ выбранъ вчера на постъ командира броненосца.

Послѣдній самъ по своему желанію приказалъ сняться съ якоря и идти въ Севастополь, перевирая всей командѣ наши сигналы и объясняя ихъ въ смыслѣ нашего слѣдованія за нимъ. Только когда мы дали боевой сигналъ, то врать уже стало невозможно и онъ, круто повернувъ судно назадъ, ввелъ его въ портъ и посадилъ на мель. Послѣднее обстоятельство страшно обезкуражило всѣхъ, и даже у самыхъ энергичныхъ опустились на мгновеніе руки и они утратили иниціативу.

Одни предлагали ѣхать сейчасъ-же на „Побѣдоносецъ“ и арестовать тамъ всѣхъ подлецовъ и измѣнниковъ народному дѣлу, другіе говорили, что нужно ихъ лучше однимъ выстрѣломъ утопить всѣхъ, третьи просто растерялись и не знали, что предпринять.

Но фактъ тотъ, что единодушія не существовало уже больше и у насъ.

Въ это время кто-то предложилъ ѣхать въ Румынію — чтобы тамъ обдумать спокойно свое дальнѣйшее положеніе.

За это ухватились всѣ, какъ утопающій за соломенку, и наше судно, побросавши даже уголь и преданную часть товарищей изъ команды „Георгія Побѣдоносца“, двинулось къ Румынію.

Въ открытомъ морѣ на пути въ Румынію всѣ мы немножко отдохнули и привели свои чувства въ порядокъ. Многіе изъ насъ не спали до этого по 3 и больше сутокъ и только теперь подкрѣпили себя сномъ и немножко возстановили свои силы. Команда вновь воспрянула духомъ и даже начались во время пути пѣніе, танцы и игры. И это, не смотря на всѣ невзгоды, которыя намъ приходилось выносить и несмотря на то, что, кромѣ сухарей и воды, у насъ не было другой пищи. Удивительно неунывающая русская натура!

Наконецъ, 20-го мы прибыли въ Румынію, въ портъ Констанцу. Насъ сейчасъ же встрѣтили власти, которыхъ мы приняли съ почетомъ и пушечными салютами. Однако, не смотря на такой почетъ, оказанный нами имъ, они отказались разрѣшить закупить тамъ уголь и провіантъ, а предложили лучше выйти на берегъ и стать подъ ихъ защиту и покровительство.

Команда наша вся единодушно отказалась отъ этого предложенія, и мы рѣшили, что, пока у насъ есть еще запасъ угля — тысячъ 15 —, то лучше пойти обратно въ Россію, сначала въ Өеодосію, а потомъ, можетъ быть, и на Кавказъ.

Единственное, что мы сдѣлали въ Румыніи, такъ это разослали нашъ „манифестъ“ ко всему цивилизованному міру и наше обращеніе „ко всѣмъ европейскимъ державамъ“.

И такъ мы отправились опять въ путь. Въ Өеодосію мы прибыли 23-го утромъ часовъ въ девять. Нашъ броненосецъ сталъ на өеодосійскомъ рейдѣ, разукрашенный весь флагами и революціоннымъ краснымъ знаменемъ, на которомъ, на одной сторонѣ красовалась „Свобода, равенство и братство“, а на другой: „Да здравствуетъ народное правленіе!“.

Лишь только мы бросили якорь, какъ сейчасъ же наши депутаты на катерѣ отправились въ городъ. Депутатами поѣхали тов. Кириллъ и еще двое тов. матросовъ подъ охраной вооруженныхъ винтовками матросовъ. На берегу собралась уже огромная толпа народа, полиція, солдаты и военныя власти, которыя встрѣтили нашихъ уполномоченныхъ. Они заявили, что желаютъ сейчасъ-же видѣть у себя на суднѣ представителей народа и врача для больныхъ товарищей, умирающихъ отъ разстройства желудка. Исправникъ и другое начальство обращалось предупредительно вѣжливо и держало даже руку подъ козырекъ передъ нами, простыми солдатами. Когда городскія власти сѣли уже на катеръ и отправились къ намъ, то мы обратились съ рѣчью къ собравшемуся толпой около насъ народу.

Мы выяснили свои цѣли, задачи и стремленія, говорили о необходимости сверженія деспотическаго самодержавія, о немедленномъ прекращеніи избіенія нашихъ братьевъ, какъ въ Манджуріи, такъ и у себя на родинѣ.

Мы указывали на необходимость самой рѣшительной борьбы, теперь же, за народную свободу и народное правленіе, взамѣнъ вѣковыхъ цѣпей рабства и угнетенія.

Съ подобными рѣчами мы обращались къ тутъ-же стоявшимъ солдатамъ, призывая ихъ къ солидарности съ нами. Въ заключеніе мы открыто раздали на глазахъ у полиціи нѣсколько нашихъ прокламацій.

При первыхъ нашихъ словахъ, полиція, по старой памяти, бросилась разгонять толпу, но товарищъ Кириллъ громко прикрикнулъ на эту разнузданную свору опричниковъ и всѣ они, вытянувшись передъ нимъ въ струнку, совершено успокоились и умѣрили свой пылъ.

Послѣ этого, при дружескихъ революціонныхъ крикахъ всего собравшагося народа и салютахъ шапками, нашъ катеръ вернулся къ своему броненосцу.

Туда же вскорѣ прибыли городской голова и другіе представители города. Они, послѣ краткаго собесѣдованія съ нашимъ судовымъ управленіемъ, рѣшили сейчасъ же доставить намъ все необходимое.

И, дѣйствительно, часа черезъ два, намъ уже начали подвозить мясо, хлѣбъ, табакъ и другой провіантъ.

Но вдругъ мы получили извѣщеніе, что военныя власти своею прекратили дальнѣйшую доставку намъ уже закупленной провизіи и угрожали городскимъ представителямъ арестомъ въ случаѣ, если они будутъ продолжать снабженіе насъ припасами. Дѣло усложнялось и обострялось. Но у насъ не было иного исхода, намъ дѣйствовать рѣшительно.

Наши депутаты то и дѣло отправлялись на берегъ и предъявляли требованіе за требованіемъ начальнику мѣстнаго гарнизона объ освобожденіи конфискованной у насъ провизіи. Одновременно съ этимъ, на берегу, передъ тысячной толпой и войсками произносились товарищами-матросами революціонныя рѣчи. Время текло быстро и наступилъ вечеръ. Мы рѣшили, поэтому, послать еще разъ депутатовъ и припугнуть мѣстныхъ сатраповъ бомбардировкой города.

Начальнику гарнизона и городскому головѣ было послано объ этомъ письменное извѣщеніе и жителей города просили до 10 час. утра перейти въ болѣе безопасныя части. Утромъ, часовъ въ 8, мы надумали силой взять одинъ изъ баркасовъ, стоящихъ въ порту, и при его посредствѣ начать грузить самимъ уголь изъ желѣзнодорожныхъ складовъ. Откладывать въ долгій ящикъ этого нельзя было. И часть нашихъ товарищей на катерѣ и миноносцѣ направились въ портъ для приведенія этого въ исполненіе. Но только они успѣли подъѣхать къ баркасу и частью взобраться на него, какъ по нимъ съ двухъ сторонъ былъ открытъ огонь залпами. Шесть человѣкъ убитыми и ранеными остались на мѣстѣ и частью попадали съ баркаса въ воду. На миноносцѣ и на баркасѣ было также двое убитыхъ и двое раненыхъ.

Катеръ оказался почти безъ управленія и едва едва одинъ изъ уцѣлѣвшихъ товарищей подъ перекрестнымъ огнемъ довелъ его до броненосца. Миноносецъ тоже съ трудомъ вернулся назадъ.

Лишь только на нашемъ суднѣ узнали эту звѣрскую и предательскую расправу съ нашими дорогими товарищами, какъ вмигъ часть матросовъ бросилась, безъ всякой команды, къ орудіямъ... Но куда было стрѣлять и въ кого? Мы только что почти прибыли и расположеніе города намъ совсѣмъ не было извѣстно. Войска же были позапрятаны за всякими закрытіями.

Поднялся шумъ и разногласіе. Одни кричали, что нужно отомстить и разбить весь городъ, другіе кричали о безсмысленности этого. Что было дѣлать? Въ Румынію, — закричали опять — „въ Румынію“, подхватила толпа, и мы опять очутились въ открытомъ морѣ.

Чѣмъ кончилось наше дѣло въ Румыніи, теперь уже извѣстно всѣмъ изъ русской и заграничной печати. Такъ-то кончилась жизнь нашей двѣнадцатидневной черноморской республики. Въ нашихъ рукахъ была громадная сила и власть, на нашей сторонѣ былъ авторитетъ 12 дюймовыхъ орудій и тысячи боевыхъ снарядовъ и, несмотря на все это, мы далеко не сдѣлали всего того, что можно было-бы сдѣлать въ нашемъ положеніи. Почему это такъ?

Да потому, что въ значительной степени событія управляли нами, а не мы событіями.

Но, чтобы отвѣтить болѣе обстоятельно на этотъ вопросъ, понадобилось бы съ моей стороны лучшее здоровье и больше свободнаго времени. Ни того, ни другого у меня сейчасъ нѣтъ, и поэтому я закончу здѣсь свое описаніе

* * *

Говорятъ, что мы позорно сдались въ Румыніи, вмѣсто того, чтобы биться до послѣдней капли крови.

[redacted] что сами „большевики“ въ эти бурные дни раз[illegible] энергію; забылъ ли онъ, что въ то время въ Петербургѣ, Одессѣ, Екатеринославѣ и друг. городахъ именно „отколовшіеся“ меньшевики наиболѣе активно участвовали въ движеніи, что именно они взывали, хотя и безуспѣшно, къ большевистскимъ комитетамъ о томъ, чтобы въ интересахъ революціоннаго выступленія пролетаріата вступить въ практическія соглашенія? Если авторъ все это вспомнитъ, то мы спросимъ его далѣе, поступилъ ли бы онъ, съ своей точки зрѣнія, иначе, будучи на мѣстѣ меньшевиковъ? Несомнѣнно, что онъ поступилъ бы также. Объ этомъ свидѣтельствуютъ другія мѣста изъ его письма. Говоря, напримѣръ, о такъ называемомъ третьемъ съѣздѣ, онъ и не думаетъ ставить намъ въ вину, что мы отъ него „откололись“: онъ самъ отмѣчаетъ „его созывъ, его характеръ, и, благодаря этому, *вынужденное* неучастіе въ немъ цѣлой категоріи партійныхъ организацій“. Точно также въ другомъ мѣстѣ, объявляя войну „дурнымъ пастырямъ“, онъ очень мало считается съ тѣмъ, что эта война грозитъ новыми расколами, что она не только разрушитъ мнимое единство, установленное, такъ называемымъ, третьимъ съѣздомъ, но, можетъ быть вызоветъ также борьбу и съ другой частью партіи. Онъ не задумывается надъ тѣмъ, чтобы ставить нашимъ традиціоннымъ партійнымъ руководителямъ ультиматумъ: „лишь въ томъ случаѣ мы сможемъ примкнуть къ нимъ“, пишетъ онъ, „когда всѣ ихъ тактическіе взгляды будутъ носить пролетарскую окраску и когда организаціонныя рамки ихъ будутъ достаточно широки для того, чтобы сознательные пролетаріи могли бы проявлять дѣйствительно въ нихъ свою самостоятельность и самодѣятельность“. Изъ-за чего же шумъ? Почему же авторъ упрекаетъ „меньшевиковъ“ за такіе шаги, которые онъ самъ рекомендуетъ товарищамъ? Вѣроятно потому, что эти шаги меньшевиковъ, съ точки зрѣнія автора, не увѣнчались успѣхомъ, вѣроятно, потому, что и меньшевистскія организаціи недостаточно обезпечиваютъ самодѣятельность сознательныхъ пролетаріевъ. Но если дѣло обстоитъ такъ, то авторъ, который причислялъ себя раньше къ „меньшинству“, долженъ былъ бы указать на это фактическое противорѣчіе между теоріей и практикой меньшевиковъ; долженъ былъ бы искать путей къ устраненію этихъ противорѣчій. Онъ же, вмѣсто этого, просто выбрасываетъ за бортъ тактическіе принципы „меньшевиковъ“ и призываетъ рабочихъ не давать себя увлекать праздными фракціонными спорами по тактическимъ вопросамъ. Какъ будто теорія, примѣненіе которой къ практикѣ дается съ трудомъ, есть по тому самому теорія праздная, какъ будто только та теорія вѣрна, которая, въ своемъ осуществленіи, не сталкивается ни съ какими практическими затрудненіями!

Авторъ выдвигаетъ передъ нашей партіей на первый планъ задачу огражденія политической самостоятельности рабочаго класса въ современной буржуазной революціи. Доказалъ ли онъ, пытался ли онъ доказать, что тактическія разногласія между такъ называемыми „меньшевиками“ и „большевиками“ не имѣютъ отношенія къ этому вопросу, что проведенія на практикѣ тѣхъ или другихъ тактическихъ принциповъ не отразится на степени политической самостоятельности русскаго рабочаго класса.

Такъ называемые „меньшевики“ исходятъ изъ принципа, что соц.-дем. обязана, уже въ періодъ борьбы съ абсолютизмомъ и отчасти въ интересахъ этой самой борьбы, привлекать пролетаріатъ къ политической борьбѣ съ буржуазными классами и партіями, къ борьбѣ съ ними за вліяніе на [illegible] и [illegible] революціи. Исходя изъ этого, они передъ январскими событіями, когда политическая авансцена была занята оппозиціонными выступленіями буржуазіи, рекомендовали организованному пролетаріату извѣстный планъ „земской кампаніи“. Большевики нападали на этотъ планъ, предпочитая ему „манифестаціи передъ участками“. Имѣетъ ли этотъ споръ отношеніе къ вопросу о воспитаніи политической самостоятельности пролетаріата или нѣтъ? Далѣе; въ вопросѣ о подготовленіи возстанія „большевики“ выдвигали на первый планъ задачу образованія таинственнаго центра, „штаба сознающихся революціонеровъ“, который конспиративными средствами подготовитъ и въ благопріятный моментъ назначитъ всенародное возстаніе. Меньшевики указывали на утопизмъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, на особое непониманіе условій развитія классовыхъ противорѣчій до степени революціи, обнаруженныхъ этой теоріей. Они противоставляли ей методъ „развязыванія“ революціи путемъ систематическаго обостренія классовой борьбы, путемъ воспитанія въ широкихъ кругахъ пролетаріата яснаго пониманія настоящаго историческаго момента, политической активности и революціонной иниціативы. Имѣлъ ли этотъ споръ отношеніе къ вопросу о выработкѣ самостоятельной политики рабочаго класса или нѣтъ? „Меньшевики“ предохраняли пролетаріатъ отъ иллюзій, порождаемыхъ отождествленіемъ *техническихъ* задачъ возстанія съ *политическими* задачами революціи; отъ иллюзій, за которыя въ прошлыя революціи европейскій пролетаріатъ не разъ жестоко поплатился. Имѣлъ ли этотъ спорный вопросъ отношеніе къ развитію сознательности, а, слѣдовательно, къ огражденію политической самостоятельности пролетаріата или нѣтъ?

„Меньшевики“ боролись противъ тактики, направленной къ участію соц.-дем. въ буржуазномъ временномъ правительствѣ, на томъ основаніи, что такая тактика внушаетъ пролетаріату неосновательныя надежды, что буржуазное временное правительство будетъ вѣрной заступницей всѣхъ его интересовъ, на томъ основаніи, что она, такимъ образомъ, связываетъ революціонную энергію пролетаріата, что она готовитъ ему разочарованія, а соціальдемократіи банкротство. „Меньшевики“ противоставляли этой тактикѣ фактическій захватъ политическихъ правъ рабочими организаціями и организацію революціоннаго давленія народа на всякое правительство, которое будетъ выдвинуто событіями. Имѣлъ ли этотъ споръ отношеніе къ вопросу о самостоятельной политикѣ рабочаго класса или нѣтъ? „Меньшевики“ дали лозунгъ содѣйствовать открытой организаціи профессіональныхъ союзовъ уже въ настоящее переходное время, потому что соціальдемократія должна руководить всѣми проявленіями классовой борьбы пролетаріата, потому что этимъ отнимается почва отъ подчиненія профессіональнаго движенія пролетаріата вліянію буржуазной демократіи. Имѣлъ ли этотъ спорный вопросъ отношеніе къ охранѣ самостоятельности нашего рабочаго движенія?

Всякій, кому дороги интересы политической самостоятельности пролетаріата, не только долженъ былъ интересоваться этими вопросами, онъ обязанъ былъ заниматься ими со всей страстью, со всѣмъ пыломъ преданнаго слуги пролетаріата и революціи, потому что это вопросы злободневные, жгучіе, потому что наша партія еще чрезвычайно мало сдѣлала для ихъ практическаго рѣшенія, потому что время не терпитъ, потому что отъ успѣха въ практическомъ рѣшеніи этихъ вопросовъ будетъ зависѣть ближайшія судьбы нашей партіи, будетъ зависѣть, приспособится ли она къ новымъ условіямъ жизни, [illegible] элементами стараго общества? Такъ называемые „меньшевики“ понимали и понимаютъ, что проведеніе въ жизнь этихъ тактическихъ принциповъ предполагаетъ коренное измѣненіе всего содержанія нашей партійной работы. Но для этого новаго *содержанія* старыя партійныя *формы* оказываются непригодными; поэтому, „меньшевики“ предлагали и предлагаютъ, *параллельно* съ преобразованіемъ партійной работы, преобразовать и форму нашей партійной организаціи, преобразовать въ томъ смыслѣ, чтобъ наша партія фактически, по своему составу, становилась партіей пролетарской. И въ этомъ отношеніи „меньшевики“ представляли и представляютъ себѣ организаціонный переворотъ гораздо болѣе радикальнымъ, чѣмъ авторъ письма.

Къ отвѣтственному участію въ рѣшеніи вопросовъ внутри и внѣ-партійной политики должны быть привлечены широкіе круги сознательныхъ пролетаріевъ. Чтобы совершить этотъ организаціонный переворотъ, намъ необходимо, съ одной стороны, отказаться отъ фетишизма передъ традиціонными формами нашей партійной организаціи, намъ необходимо разбить традиціонныя рамки нашей партіи и значительно расширить ея предѣлы; намъ необходимо развить и привлечь въ нашу партію — дѣйствительныхъ вождей пролетарскихъ массъ: организаторовъ профессіональныхъ союзовъ, излюбленныхъ депутатовъ рабочихъ, выдающихся ораторовъ политическихъ рабочихъ клубовъ — всѣхъ тѣхъ вождей пролетаріата, которые до сихъ поръ чуждались нашей партійной организаціи не потому, что ихъ отпугивала соціальдемократическая программа, а потому, что тѣсныя рамки нашей подпольной организаціи не давали имъ никакого простора для дѣятельности. На это были направлены резолюціи нашей партійной конференціи. Для того, чтобы совершить этотъ организаціонный переворотъ, намъ необходимо, съ другой стороны, примириться съ тѣмъ, что быстрый процессъ приспособленія нашей партіи къ новымъ задачамъ, выдвинутымъ историческимъ моментомъ, неизбѣжно смететъ много негодныхъ, неприспособившихся элементовъ, выработанныхъ нашей партійной жизнью. И эта неизбѣжная печальная участь постигнетъ не только тѣхъ или другихъ неумѣлыхъ или застывшихъ въ своей рутинѣ интеллигентскихъ руководителей; она постигнетъ также и цѣлый рядъ периферійныхъ работниковъ изъ сознательныхъ рабочихъ, воспитанныхъ въ навыкахъ кружковаго подполья. Развѣ не обнаруживается уже теперь, при каждомъ крупномъ выступленіи пролетаріата, что онъ выдвигаетъ новыхъ вождей изъ своей среды, что многіе сознательные рабочіе, участвовавшіе въ нашихъ партійныхъ организаціяхъ, неспособны пріобрѣсти вліяніе на широкія рабочія массы?... Вы видите, — ближайшія перспективы, которыя открывали нашему движенію „меньшевики“, очень широки; задачи, которыя они выдвинули, чрезвычайно трудны и сложны, и выполнять приходится ихъ въ такой моментъ, когда событія развиваются съ лихорадочной быстротой, когда сегодняшній день безжалостно разрушаетъ то, что съ громадными усиліями созидалось вчера. Именно потому, наша практика такъ отстаетъ отъ нашей теоріи. Не столько въ злонамѣренности нашихъ руководителей, не столько въ ихъ интеллигентскихъ недостаткахъ, сколько въ громадности и трудности новыхъ задачъ, стоящихъ передъ нами, нужно искать объясненія тому, что наша практика [illegible] мало удовлетворяетъ [illegible].

Товарищъ „рабочій“ [illegible] не способенъ [illegible] стать всѣхъ новыхъ, [illegible] и трудныхъ [illegible] передъ нашей партіей. [illegible]

Мнѣ же кажется, что пошло и гадко обвинять насъ въ этомъ, сидя въ какой нибудь кофейной съ сигарой въ зубахъ и резонерствуя вдали и злобѣ дня.

Мы выдержали, можно сказать, 12-тидневный непрерывный бой, который мы вели безъ всякой посторонней помощи, безъ всякой поддержки.

Гдѣ были всѣ эти пошлые резонеры, когда мы нуждались хоть въ какой-нибудь поддержкѣ со стороны? Безъ угля, безъ пищи, при колоссальномъ физическомъ и моральномъ трудѣ мы держались цѣлыхъ двѣнадцать сутокъ. Наша машинная и кочегарная команда буквально истощила всѣ силы и наполовину была больна.

К.

ЭПИЗОДЪ 14-го ІЮНЯ НА ЭСКАДРОННОМЪ БРОНЕНОСЦѢ „КНЯЗЬ ПОТЕМКИНЪ ТАВРИЧЕСКІЙ".

Описан. мин.-машин. авиатрнайст. 1-ой ст. Афанасіемъ Матющенко¹).

Втеченіе послѣднихъ 4½ лѣтъ въ Севастополѣ образовался свой соціальдемократическій кружокъ, который имѣлъ сношенія со всѣми западными товарищами — такъ что у насъ были свои опредѣленные планы. Когда эскадра начнетъ кампанію 1905 г. и пойдетъ на Тендровскій полуостровъ, то на извѣстномъ кораблѣ зажгутъ ракету, тогда команда должна забрать винтовки и съ крикомъ: „Да здравствуетъ свобода!" кинуться по каютамъ, подлыхъ офицеровъ перебить, а хорошихъ высадить на берегъ; самимъ же сняться всей эскадрой съ якоря и идти въ Одессу. Въ Одессѣ требовать превращенія арміи въ національную гвардію, поставить народное правленіе, выпустить всѣхъ политическихъ, которые есть въ г. Одессѣ. И такъ мы хотѣли пройти кругомъ все Черное море. Но этому помѣшалъ случай, который я передамъ достовѣрно.

Это было 14-го іюня 1905 г. на броненосцѣ „Князь Потемкинъ Таврическій" въ Тендровскомъ заливѣ около 12 ч. дня. 13-го іюня миноносецъ № 267 ошелъ въ Одессу за провизіей на 14-е іюня; пошелъ около часу дня.

Часовъ въ 10 вечера 13-го іюня миноносецъ пришелъ изъ Одессы на Тендровскій полуостровъ. Забрали провизію на корабль: хлѣбъ положили въ обыкновенное мѣсто, капусту и картошку положили въ камбузъ. Такъ какъ уже было 10½ ч. вечера, то для чистки картошки взяли все вахтенное отдѣленіе, которое и почистило ее до смѣны съ вахты; а мясо повѣсили на спардекѣ съ лѣвой стороны на крючкахъ. Въ пять часовъ утра побудили команду. Команда, какъ и всегда, помылась, отпѣла утреннюю молитву, позавтракала, начала скатывать палубу на всемъ кораблѣ. Кто то изъ команды замѣтилъ въ мясѣ червей. Одинъ по другому, команда узнала, что мясо съ червями; начали возлѣ мяса толпиться; послышался ропотъ, что офицеры подлецы, что не хотятъ обращать вниманіе на пищу команды, что надо позвать доктора, — пусть выброситъ это мясо за бортъ. Командиръ услыхалъ, что команда волнуется, позвалъ доктора, титулярнаго совѣтника Смирнова, который незамедля пришелъ на спардекъ къ этому мясу, одѣлъ очки, чтобы лучше было видно червей, покрутилъ его предъ носомъ, понюхалъ и говоритъ: „мясо очень хорошее; команда — говоритъ, балована и потому не хочетъ кушать. Надо — говоритъ — только червей смыть водой и мясо будетъ отличное". Такое заключеніе вывелъ докторъ Смирновъ. Командиръ судна, капитанъ 1-го ранга Евгеній Голиковъ, приказалъ поставить возлѣ мяса дневальнаго, дать ему карандашъ и бумагу, чтобы онъ записывалъ всѣхъ, кто прійдетъ смотрѣть на мясо, а потомъ доложилъ бы командиру. Команда, хорошо зная нравъ и взгляды командира, боялась подходить къ мясу. Слышно было, какъ команда говорила: „какъ теперь служить, какъ воевать, когда въ Японіи плѣннымъ лучше живется, чѣмъ намъ? надо тикать къ японцамъ". Кто то изъ кондукторовъ сказалъ, что въ Портъ-Артурѣ команда кушала собакъ, „а вамъ, моль, мясо не хорошо". До обѣда команда была встревожена. Въ 10½ часовъ дня свиститъ дудка: „Вино достать, пробу". Достали вино и пробу для командира. Не знаю точно, кушалъ ее командиръ или нѣтъ, но я видѣлъ самъ, что вахтенный офицеръ, прапорщикъ запаса Ливенцовъ, кушалъ борщъ возлѣ лѣваго трапа; возлѣ проходилъ старшій офицеръ корабля, капитанъ 2-го ранга Ипполитъ Гиляровскій: „Ну, что? какъ борщъ?" Прапорщикъ Ливенцовъ сказалъ, что борщъ чудный. „Я бы съ удовольствіемъ его кушалъ, но, къ сожалѣнію, глотка болитъ". Точный разговоръ.

Дудка свиститъ къ вину и обѣдать. Команда, которая пьетъ вино, пошла на шканцы пить его, а изъ остальной команды каждый взялъ кружку, взялъ кусокъ хлѣба, мочитъ хлѣбъ въ водѣ и кушаетъ, а баки съ борщемъ никто не беретъ; всѣ почти стоятъ по обѣимъ сторонамъ камбуза поближе къ водѣ. Заходитъ въ камбузъ Гиляровскій и спрашиваетъ кока Ивана Давидюка: „Ты почему не даешь командѣ обѣдать?". Давидюкъ отвѣчаетъ: „Команда не хочетъ кушать борщу, а проситъ, чтобы сварить чаю и чтобы дали масла". Въ это время входитъ командиръ Голиковъ и спрашиваетъ: „Въ чемъ дѣло?" Гиляровскій отвѣчаетъ: „Команда не хочетъ обѣдать этого борщу". Командиръ спрашиваетъ: „ребята, отчего вы не кушаете борщу?" Въ толпѣ матросовъ отвѣчаютъ: „Кушай самъ, а мы будемъ кушать воду и хлѣбъ". Голиковъ приказалъ бить сборъ. Забили тревогу. Команда — вся, какъ одинъ человѣкъ — пошла на ютъ и стала во фронтъ. Вышелъ старшій офицеръ, потомъ вышелъ командиръ; скомандовали: „смирно". Командиръ сталъ на буксирный кнехтъ и обратился къ командѣ съ такой рѣчью: „я неоднократно говорилъ, что такіе безпорядки на военномъ кораблѣ недопустимы: за это вѣшаютъ вашего брата вонъ тамъ", — при этомъ онъ показалъ на шпокъ. „Ребята, кто хочетъ кушать борщъ, выйди сюда!" Боцманы и нѣкоторые унтерофицеры вышли и стали по траверзу корабля. Командиръ, видя, что команда стоитъ на мѣстѣ, скомандовалъ: „караулъ наверхъ". Черезъ минуту караулъ сталъ на мѣсто. Команда струсила и вся перешла въ кучу къ башнѣ. Старшій офицеръ, видя, что команда туда перебѣгаетъ, кричитъ: „Довольно!" — и, вмѣстѣ съ вахтеннымъ офицеромъ, не пустили смѣшаться съ остальной командой и приказалъ караулу оцѣпить оставшуюся часть команды и переписать. Команда стояла блѣдная и страшно напряженная, видя своихъ товарищей оцѣпленными карауломъ. Старшій офицеръ кричитъ: „Боцманъ, давай брезентъ!" Это для того, чтобы накрыть команду брезентомъ и по ней стрѣлять. Тутъ раздается крикъ: „Братцы, что они дѣлаютъ съ нашими товарищами? Забирай винтовки и патроны! Бей ихъ, хамовъ!" Это сказалъ матросъ Х. Тутъ только этого и надо было: команда вся бросилась въ батарейную палубу, забрала винтовки; но патроновъ не было. Подняли крикъ: „Давай скорѣе патроновъ!" Нашли патроны, зарядили ружья и идутъ обратно на ютъ освобождать товарищей. По траверзу судна стоялъ судовой караулъ и три офицера: командиръ Голиковъ, старшій офицеръ Гиляровскій и старшій артиллеристъ Неупокоевъ. Командиръ спрашиваетъ: „Кто тамъ команду бунтуетъ?" Гиляровскій отвѣчаетъ: „Это — я знаю — сволочь Х." А въ батареѣ гремитъ могучее „ура" „Да здравствуетъ свобода"! „Долой войну!" „Долой самодержавіе!" Въ это время командиръ говоритъ матросу Х.: „Что тебѣ нужно? Поставь ружье!" Матросъ Х. отвѣчаетъ: „Я брошу тогда ружье, когда я буду не живымъ существомъ, а трупомъ. Уходи съ корабля, — это корабль народа, а не твой!" Командиръ куда-то ушелъ, не знаю. Въ это время матросу Х. и Вакуленчуку (а не Омельчуку, какъ это писалось во многихъ газетахъ) дали патроновъ. Гиляровскій и Неупокоевъ, видя, что Вакуленчукъ и Х. зарядили ружья, побѣжали на ютъ, гдѣ стоялъ часовой у флага. Матросъ Х. побѣжалъ за Неупокоевымъ и на бѣгу почти выстрѣлилъ въ Неупокоева, который упалъ съ простреленной головой на адмиральскій броневой люкъ.

Матросъ Х. бросилъ винтовку, взялъ Неупокоева за ноги и выбросилъ за бортъ; потомъ схватилъ винтовку и побѣжалъ искать Гиляровскаго. Забѣжалъ въ башню, тамъ стоитъ Гиляровскій съ винтовкой и лежитъ Вакуленчукъ, обливаясь кровью. Х. далъ по Гиляровскому выстрѣлъ, но получилась осѣчка или промахъ. Тѣмъ временемъ Гиляровскій стрѣляетъ по Х., а самъ кругомъ башни убѣжалъ. Матросъ Х. бѣжитъ за нимъ. Гиляровскій кричитъ часовому: „Бей его!" Часовой бросаетъ ружье, а самъ убѣгаетъ въ батарейную палубу. Гиляровскій хватаетъ ружье и стрѣляетъ по часовому и, вмѣстѣ съ тѣмъ, падаетъ на бокъ. Видя стрѣлявшаго въ него матроса Х., кричитъ: „я тебя знаю, подлецъ, ты теперь пойдешь на берегъ; я тебѣ задамъ!" Матросъ Х. отвѣчаетъ: „я теперь тебя самого пошлю юнгой къ Макарову!" При этихъ словахъ Гиляровскій летитъ за бортъ. Въ этотъ моментъ представилась ужасная и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественная картина: 800 человѣкъ кричатъ: „Смерть тиранамъ! „Да здравствуетъ свобода!" Залпы трещатъ по уплывающимъ офицерамъ, которые плыли на миноносецъ № 267.

Въ это время выходитъ минный офицеръ лейтенантъ Вильгельмъ Тонъ. Команда закричала: „За бортъ его!" Онъ, увидя матроса Х, говоритъ ему: „я хочу съ тобой переговорить". Матросъ проситъ команду отойти и самъ отходитъ съ Тономъ къ башнѣ. Тотъ выхватываетъ револьверъ и стрѣляетъ въ Х. Пуля прошла мимо Х. и попала въ руку близь стоявшаго матроса. Другая пуля сдѣлала царапину у праваго виска Х. Тогда этотъ послѣдній стрѣляетъ въ Тона и онъ падаетъ на палубу. Въ него дали залпъ еще человѣкъ десять и Тонъ сталъ бездыханнымъ трупомъ. „За бортъ его!" — закричала команда, и Тонъ пошелъ за бортъ. Команда закричала матросу Х.: „Командиръ здѣсь. Давай его сюда!" Командиръ былъ въ адмиральскомъ помѣщеніи и навѣрно хотѣлъ броситься за бортъ, но, видя безполезность такой попытки, вышелъ на палубу, имѣя на себѣ только китель. Всходя по трапу на палубу, онъ говорилъ: „Ахъ, я старый дуракъ, что я съ командой сдѣлалъ". Вышелъ на верхнюю палубу, обхватилъ Х. и говоритъ: „Великій я грѣшникъ передъ командой, — прости, братецъ!" „Я лично противъ тебя ничего не имѣю, какъ команда" — отвѣтилъ Х. Команда закричала: „На шкотъ его, подлеца: онъ насъ шкотомъ пугалъ!" Другіе кричали: „Долго возиться, — пулю въ лобъ!" Его повели дальше на ютъ и тутъ раздался залпъ. Командира не стало. Его тоже выбросили за бортъ. Въ это время доплывшіе до миноносца офицеры снялись съ якоря и хотѣли уйти въ Севастополь. Х. приказалъ зарядить 47 м/м пушку и дать выстрѣлъ по миноносцу. Послѣ выстрѣла миноносецъ 267 подошелъ къ борту „Потемкина". Съ него сняли 3-хъ офицеровъ: командира миноносца, лейтенанта Клодта, ревизора броненосца „Потемкинъ", мичмана Макарова и мичмана Вахтина, у котораго оказалась пробитой голова. Команда кричала: „Смерть Макарову!" „За бортъ ихъ всѣхъ". Но, тутъ нашлись истинные борцы за народъ и свободу и сказали: „Довольно крови! Теперь корабль въ нашихъ рукахъ; эти твари намъ не опасны. Давайте соды, — скатить палубу". Команда поставила винтовки въ пирамиды, принесла соды и начали скатывать палубу. Въ это время къ матросу Х. приводятъ младшаго доктора Голенко, котораго нашелъ минный машинистъ Кудиновъ подъ цистернами. „Куда его, чорта, дѣть?" спрашиваютъ — „Подъ арестъ его въ каютъ-компанію!" Черезъ 10 минутъ опять ведутъ полковника изъ Обуховскаго завода, который пріѣхалъ сюда для артиллерійскихъ испытаній. — „Гдѣ вы его нашли?" — „Въ гардеробномъ ящикѣ. Насилу оттуда его вытащили!" — Арестовали и этого. Потомъ выходитъ прапорщикъ Алексѣевъ и говоритъ: „Братцы, не бейте меня, — я вѣдь такой же матросъ, какъ и вы!" Команда закричала: „Тебя никто не убьетъ, если ты насъ приведешь въ Одессу!" Потомъ замѣтили еще двухъ офицеровъ, которые были на шлюпкѣ для стрѣльбы, находившейся въ разстояніи кабельтова отъ корабля. Тамъ были инженеръ-механикъ Александръ Коваленко и [illegible] инженеръ изъ Николаевскаго завода. Александръ [illegible]. Когда команда увидѣла Коваленко, то она, [illegible], просила не трогать его, потому что [illegible] [illegible]. Но все таки нужно арестовать. Потомъ гдѣ-то нашли инженеръ-механика Назарова и инженеръ-механика Калюжнаго. Всего арестованы были: мичманы Макаровъ и Вахтинъ, инж.-мех. Заушкевичъ, Назаровъ и Калюжный, докторъ Голенко, инженеръ-механикъ подполковникъ Цѣйтновъ, полковникъ изъ Обуховскаго завода, вольный инженеръ изъ Николаевскаго завода Харкевичъ, прапорщики Ястребцовъ и Алексѣевъ, лейтенантъ Клодтъ и инженеръ-механикъ Коваленко. Приходитъ вѣстовой Вейнбергъ и говоритъ Х., что старшій врачъ Смирновъ застрѣлился. Пошли къ нему. Онъ проситъ: „дайте, братцы, умереть спокойно" — „А чего же ты, хамъ, говорилъ, что мясо хорошее?" — „Братцы, я, умирая, говорю, что я хорошо все видѣлъ, но я не имѣлъ права говорить". Еще узнали, что лейтенантъ Григорьевъ изъ Обуховскаго завода былъ убитъ въ то время, какъ выбросился за бортъ.

Убиты: командиръ броненосца Евгеній Голиковъ, старшій офицеръ Ипполитъ Гиляровскій, старшій артиллеристъ лейтенантъ Неупокоевъ, старшій минный офицеръ лейтенантъ Вильгельмъ Тонъ, старшій врачъ Сергѣй Смирновъ, лейтенантъ Григорьевъ и прапорщикъ Ливенцовъ. Судовой попъ остался въ живыхъ. Послѣ этого машинная команда пошла разводить пары и готовить машины, а строевая команда приготовляла корабль по боевому на случай встрѣчи съ эскадрой. Когда все было готово, снялись съ якоря и пошли въ Одессу. Дорогой команда выбрала изъ своей среды комиссію, которой и довѣряли управленіе судномъ.

¹) Авторъ не входилъ въ организацію Крымскаго Союза, но оказывалъ ей посильное содѣйствіе.

РЕВОЛЮЦІОННЫЕ ДНИ ВЪ ЧЕРНОМОРСКОМЪ ФЛОТѢ (Письмо матроса).

Въ послѣднее время въ черноморскомъ флотѣ замѣчалось сильное революціонное движеніе. Люди просто рвались въ бой и большого труда стоило мѣстной флотской централкѣ, членамъ Севастопольской соціальдемократической организаціи, удерживать людей отъ подобнаго шага, такъ какъ въ виду имѣлось поднять возстаніе въ концѣ практическаго плаванія черноморской эскадры, а до тѣхъ поръ вести самую сильную агитацію среди судовыхъ и береговыхъ командъ флота и, по возможности, среди арміи. За нѣсколько дней до ухода броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій" на пустынный островъ Тендръ для опробованія боевыми снарядами своей артиллеріи, мѣстная организація получила съ „Князя Потемкина" письмо, въ которомъ почти вся команда его спрашивала организацію, не повредитъ ли народу и вообще революціонной работѣ въ Россіи, если они, команда „Князя Потемкина", поднимутъ знамя возстанія¹). Мѣстная организація созвала представителей отъ флота, т. е. флотскую централку, на которой и было приступлено къ разбору этого письма и совѣщанію, какъ поступить съ предложеніемъ потемкинскихъ товарищей. Послѣ долгихъ преній, при помощи интеллигента отъ Севастопольскаго Комитета, было единодушно принято рѣшеніе просить потемкинскихъ товарищей подождать до конца плаванія эскадры, въ виду того, что на нѣкоторыхъ судахъ еще не были готовы къ возстанію, а до тѣхъ поръ, какъ я уже писалъ выше, рѣшено было повести самую широкую агитацію, на что на другой день было получено письмо отъ товарищей броненосца „Князь Потемкинъ", что они принимаютъ наше рѣшеніе и соглашаются ждать до конца плаванія. 12 іюня, въ воскресенье, въ началѣ третьяго часа пополудни, „Потемкинъ" снялся съ якоря и ушелъ на островъ Тендръ, а 13 іюня практическая эскадра черноморскаго флота, подъ командой старшаго флагмана вице-адмирала Кригера, начала кампанію. 21 іюня эскадра должна была идти къ острову Тендеръ на присоединеніе къ „Потемкину" для совмѣстныхъ практическихъ занятій. 15 іюня вдругъ, неожиданно для всѣхъ, съ флагманскаго броненосца „Ростиславъ" былъ поднятъ сигналъ: „адмиралъ проситъ всѣхъ командировъ къ себѣ" и другой — броненосцамъ: „Три святителя", „12 апостоловъ", „Георгію Побѣдоносцу" и „Екатеринѣ II" развести пары и приготовиться къ походу. Мы, матросы, были очень удивлены этимъ, такъ какъ всѣ знали, что на Тендеръ пойдемъ 21. Нѣкоторые стали предполагать, что съ „Потемкинымъ" случилось что-нибудь неладное, другіе стали возражать: это, молъ, просто практика, не больше. Словомъ, на бакѣ, разбившись на нѣсколько группъ, команда стала комментировать этотъ походъ на разные лады.

Тѣмъ временемъ съѣхались командиры. Совѣщаніе ихъ длилось часа два, что они говорили, не знаю. Но послѣ совѣщанія послѣдовалъ другой сигналъ: „Екатеринѣ оставить готовиться къ походу", и вотъ почему, какъ мы послѣ узнали отъ екатерининскихъ товарищей: наканунѣ этого дня, т. е. 14-го вечеромъ, команда броненосца „Екатерина II", пропѣвъ съ грѣхомъ пополамъ молитвы „отче нашъ" и „богородицу", совершенно отказалась пѣть „спаси господи" и, когда человѣкъ 5—7 пѣвчихъ все почти тянули эту молитву, остальные стали шикать и свистать; къ вышедшему командиру капитана 1 ранга Дриженко команда предъявила чисто экономическаго характера требованія, онъ смѣшался и поспѣшилъ уйти въ каюту. Вотъ по этой то причинѣ и не пошла „Екатерина" съ эскадрой. Въ 11 часовъ ночи снялась эскадра подъ командой младшаго флагмана Вишневецкаго въ составѣ 3 броненосцевъ: „Три Святителя", „Георгій Побѣдоносецъ", „12 апостоловъ", минного крейсера „Казарскій" и 4 миноносцевъ. На другой день, т. е. 16-го іюня около 11 часовъ утра былъ поднятъ другой сигналъ: „Ростиславу" и „Синопу" развести пары и приготовиться къ походу. Стали готовиться. Приняли на 3 дня провизіи и къ началѣ 7 часа вечера снялись. Все это время офицеры были страшно встревожены, ходили, повѣсивъ носы, и о чемъ то шушукались. Болѣе сознательные матросы, которыхъ было очень мало на „Ростиславѣ", всего 10 чел., догадались, что мы идемъ на „Потемкина" и стали просто открыто агитировать, на чемъ нѣкоторые провалились въ томъ числѣ и я, но мнѣ удалось послѣ бѣжать. Агитація плохо шла, большинство не вѣрило, что „Потемкинъ" перешелъ на сторону народа, но, въ концѣ концовъ, намъ удалось многихъ изъ команды убѣдить въ этомъ, и они говорили такъ: „если правда, что мы идемъ на „Потемкина", то стрѣлять въ него мы все равно не будемъ, тамъ наши братья". Въ началѣ 10-го часа утра 17 іюня мы подошли къ острову Тендеръ, съ цѣлью присоединиться къ ушедшей заранѣе эскадрѣ, но ее тамъ не оказалось, только на горизонтѣ по направленію къ Одессѣ виднѣлось нѣсколько дымковъ, то была наша эскадра. Мы пошли къ ней, часовъ въ 11 соединились. Командиры всѣхъ судовъ съѣхались на совѣщаніе на флагманское судно „Ростиславъ"; отъ гребцовъ, которые пріѣхали съ командирами, мы узнали, что „Князь Потемкинъ" стоитъ въ Одессѣ, и, когда они стали подходить къ Одессѣ, съ „Потемкина" подняли сигналъ: „сдавайся или будемъ стрѣлять", они поспѣшили уйти отъ него.

Совѣщаніе командировъ длилось не больше получаса. Потомъ эскадра выстроилась въ боевой порядокъ и, взявъ курсъ на Одессу, пошла 10 узловымъ ходомъ. Въ началѣ 13 часовъ пополудни показался берегъ и виднѣлись дымки изъ трубы „Князя Потемкина". Въ началѣ 1 часа мы простымъ глазомъ видѣли всѣ предметы на „Потемкинѣ". У насъ пробили боевую тревогу. Стали убирать все лишнее изъ верхней палубы. Подали снаряды къ пушкамъ. Все это дѣлалось командой неохотно, медленно. Сознательные матросы вели просто открытую агитацію. Говорилось нѣсколько рѣчей почти на глазахъ у офицеровъ и [illegible], которыхъ въ изобиліи во флотѣ. Большинство команды всей душой сочувствовало потемкинскимъ товарищамъ. На флагманскомъ судиѣ „Ростиславъ" подняли сигналы: „Потемкину стать на якорь", съ „Потемкина" отвѣтили: „Ростиславу" и „Тремъ Святителямъ" застопорить машины", такъ какъ эти два броненосца больше другихъ ушли впередъ. Съ „Ростислава" опять подняли сигналы: „Потемкину" стать на якорь".

¹) Текстъ этого письма былъ посланъ въ „Искру", но, [illegible] [illegible].

тѣхъ разногласій, которыя до второго съѣзда вызывали откольі Рабочей Воли и аналогичныхъ рабочихъ организацій отъ комитетовъ; его мысль не выходитъ за предѣлы узкихъ традиціонныхъ рамокъ нашей партійной организаціи и бѣднаго традиціоннаго содержанія нашей партійной работы. Онъ ищетъ наиболѣе упрощеннаго, наиболѣе прямолинейнаго, наиболѣе легкаго разрѣшенія вопроса. Но гдѣ же гарантія, что его простое рѣшеніе [illegible]оса что-нибудь въ дѣйствительности разрѣшитъ? Гдѣ гарантія того, что организаціонная самостоятельность извѣстнаго тѣснаго круга сознательныхъ рабочихъ, которые историческимъ подборомъ были вовлечены въ наши периферійныя организаціи, которые лишены навыковъ самостоятельной широкой политической дѣятельности, которые сплошь и рядомъ пользуются незначительнымъ довѣріемъ со стороны рабочихъ массъ—гдѣ гарантія, что *ихъ организаціонная* самостоятельность и самодѣятельность *сама по себѣ* оградитъ *политическую* самостоятельность нашего *рабочаго класса*? Конечно, авторъ письма намъ скажетъ, что онъ ратуетъ за самостоятельность въ партійныхъ рамкахъ *сознательныхъ* соціальдемократическихъ рабочихъ. Но если эти соц.-дем. рабочіе, по примѣру автора, будутъ отворачиваться отъ тѣхъ принципіальныхъ вопросовъ, которые выдвинуты нашей партійной жизнью, если они, по его примѣру, будутъ предостерегать рабочихъ отъ опаснаго увлеченія спорами по тактическимъ вопросамъ, если они будутъ объяснять всякія тактическія и принципіальныя разногласія кружковымъ фракціоннымъ эгоизмомъ интеллигентовъ, если они будутъ сознательно суживать кругъ идейныхъ интересовъ пролетаріевъ, то они этимъ сами лучше всего докажутъ, что ихъ самостоятельное положеніе въ партійной организаціи вполнѣ совмѣстимо съ политическимъ подчиненіемъ рабочаго класса интересамъ буржуазной демократіи.

Тактическія разногласія между большинствомъ и меньшинствомъ выдвинуты лишь въ самое послѣднее время, раньше ихъ раздѣляли только организаціонныя разногласія, говоритъ „Рабочій", — да и сами эти тактическія разногласія не настолько глубоки, чтобы они оправдывали партійный расколъ. Это все вѣрно. Разногласія не такъ велики, чтобы оправдать расколъ; но тѣмъ не менѣе, обойти спорные вопросы невозможно и дать на нихъ нужно тотъ или другой отвѣтъ, и значеніе этихъ вопросовъ не умаляется отъ того, что они выдвинуты въ самое послѣднее время; довлѣетъ дневи злоба его. Изъ того, что „меньшинство" не сразу самоопредѣлилось, изъ того, что сама жизнь только въ послѣднее время выдвинула эти вопросы, не слѣдуетъ, что мы теперь можемъ вернуться вспять къ тому времени, когда мы спорили лишь о внутреннемъ организаціонномъ строительствѣ въ тѣсныхъ предѣлахъ подпольной партіи.

Нѣтъ, въ рѣчахъ нашего автора, несмотря на ихъ страстность, мало жизненности. Когда читаешь его, то выносишь впечатлѣніе, что онъ хочетъ ложкой море вычерпнуть. Онъ правъ лишь въ одномъ: безъ энергичнаго, активнаго вмѣшательства широкихъ сознательныхъ рабочихъ въ партійныя дѣла, мы не покончимъ съ партійнымъ кризисомъ и не возстановимъ партійнаго единства. И мы призываемъ сознательныхъ рабочихъ вмѣшаться въ дѣло и вытащить нашу партію изъ кризиса, въ которой она завязла, но это вмѣшательство должно заключаться не въ томъ, чтобы [illegible] теоретическіе споры и разногласія, не въ томъ, чтобы заставить обѣ спорящія стороны умолкнуть, а наоборотъ того, въ томъ, чтобы заставить партійныхъ руководителей въ каждомъ частномъ случаѣ выносить свои споры на судъ широкой сознательной пролетарской аудиторіи, въ томъ, чтобы сознательные пролетаріи сами принимали дѣятельное участіе въ обсужденіи и рѣшеніи тѣхъ вопросовъ, которые должны [illegible]

оттуда отвѣтили: „Ростиславу“ и „Тремъ Святителямъ“ застопорить машины, иначе стрѣлять буду“. Послѣ такой аргументаціи „Ростиславъ“ и „Три Святителя“ застопорили машины, а за ними застопорила машины и вся эскадра. И вотъ тутъ я ужъ не въ состояніи описать того, что я видѣлъ, такія величественныя картины видятся только разъ въ жизни. „Потемкинъ“, мощный, грозный, громадный и сильный, полнымъ ходомъ идетъ противъ эскадры въ 5 броненосцевъ! Это было величественное зрѣлище, достойное кисти самаго знаменитѣйшаго художника въ мірѣ. Пушки „Потемкина“ направлены на насъ, онъ цѣлится въ насъ. Вотъ на немъ взвился сигналъ. Разбираемъ. „Команда „Потемкина“ требуетъ къ себѣ старшаго флагмана“. Флагманъ не отвѣчаетъ. Вотъ онъ ужъ близко, вотъ ужъ идетъ между „Ростиславомъ“ и „Тремя Святителями“. Ужасъ, восторгъ смѣшались вмѣстѣ и, схватившись за стойку, я оцѣпенѣлъ отъ этихъ ощущеній. На „Ростиславѣ“ все затихло, замерло, притаилось и томительно ждетъ чего то страшнаго, таинственнаго. А „Потемкинъ“ гордо, смѣло, величественно идетъ между нами, не спуская пушекъ съ намѣченной цѣли. Вотъ онъ сталъ направлять свою большую 12 дюймовую пушку на мостикъ, гдѣ куча офицеровъ, онѣмѣвъ отъ ужаса, стоитъ, не шелохнувшись; увидавъ же, что на нихъ цѣлятся, они, какъ стадо скотовъ, шарахнулись, кто куда попалъ, а одинъ изъ нихъ, нѣкто мичманъ Высокосовъ, схватившись за ногу, съ крикомъ: „ой, нога, нога!“, убѣжалъ.

А на „Потемкинѣ“ ни души не видать, какъ будто это волшебное заколдованное судно, какъ будто это призракъ! Однѣ лишь пушки ворочаются, не спуская намѣченной цѣли и пусть бы кто выстрѣлилъ по немъ изъ револьвера, въ мигъ бы посыпалось въ него 70 снарядовъ и шесть минъ и въ мигъ бы тотъ корабль пошелъ ко дну. Да, это было просто что то такое фантастическое, невѣроятное. Казалось, что это сонъ, а не дѣйствительность. Вотъ „Потемкинъ“ сталъ проходить мимо насъ, на немъ на верхнюю палубу выбѣжалъ матросикъ, взялъ шлангъ, полилъ палубу, снялъ фуражку, помоталъ ею намъ и скрылся. И опять на „Потемкинѣ“ ни души. Вотъ „Потемкинъ“, обогнувъ корму „Три Святителя“, пошелъ между броненосцами „Георгій Побѣдоносецъ“ и „Синопъ“; тамъ его встрѣтили крикомъ „ура“! Пройдя ихъ, онъ направился къ Одессѣ, эскадра наша хотѣла идти за нимъ, но вдругъ стали замѣчать, что съ „Георгіемъ“ творится что то неладное, онъ вышелъ изъ строя и малымъ заднимъ ходомъ идетъ къ „Потемкину“; съ „Ростислава“ подняли сигналъ: „Почему „Георгій“ не по боевому?“. Оттуда отвѣчаютъ: „Команда „Георгія“ желаетъ свезти офицеровъ на берегъ и присоединиться къ „Потемкину“. Съ „Ростислава“ опять сигналятъ: „Употребите всѣ силы и слѣдуйте за эскадрой“. Оттуда отвѣчаютъ: „Не могу, не могу, не могу“! Вотъ и на „Синопѣ“ стало замѣчаться какое то колебаніе: то онъ выйдетъ изъ строя, то опять съ нимъ. Видя это, старшій флагманъ отдаетъ приказаніе полнымъ ходомъ идти въ Севастополь. Послѣ мнѣ удалось узнать, что на „Синопѣ“ образовались двѣ партіи — желающихъ и не желающихъ присоединенія къ „Потемкину“. Побѣдила партія не желающихъ, и потому „Синопъ“ пришелъ вмѣстѣ съ остальной эскадрой въ Севастополь. „Георгій“ же остался вмѣстѣ съ „Потемкинымъ“. Но, по послѣднимъ извѣстіямъ изъ „Правительственнаго Вѣстника“ видно, что „Георгій“ сдался властямъ г. Одессы. Чѣмъ это объяснить, не знаю.

Я уже писалъ выше, что было рѣшено не подымать теперь возстанія, до тѣхъ поръ, пока въ достаточной степени подготовятъ команды на нѣкоторыхъ судахъ, на что получали согласіе отъ товарищей съ броненосца „Князь Потемкинъ“. Но какъ же оно вышло, что товарищи съ „Потемкина“ не сдержали своего слова? А вотъ какъ: Придя на островъ Тендръ 13 іюня, они отдали якорь. За свѣжей провизіей не было послано. Та же провизія, которая была взята изъ Севастополя, успѣла испортиться, въ мясѣ, напримѣръ, были большіе черви. Команда видѣла это и сговорилась не кушать пищи, приготовленной изъ этого мяса. И вотъ на другой день 14 іюня все таки былъ сваренъ борщъ съ этимъ мясомъ. Пришло время обѣда. Команда забрала по куску хлѣба, соли и по кружкѣ воды, начала обѣдать, не прикасаясь къ борщу. Пришелъ командиръ, капитанъ перваго ранга г. Голиковъ, и, увидавъ, что команда дѣйствительно отказывается ѣсть борщъ съ червями, взобрался на мостикъ, позвалъ боцмана и приказалъ ему насильно заставлять ѣсть этотъ борщъ; боцманъ пришелъ на палубу и объявилъ о томъ командѣ, та, конечно, опять не согласилась ѣсть борща. Тогда прибѣгаетъ старшій офицеръ, капитанъ второго ранга, заставляетъ барабанщика бить сборъ; тотъ бьетъ, команда становится во фронтъ, выходитъ старшій офицеръ и говоритъ: кто желаетъ ѣсть борщъ, выходи сюда. Вышли кондуктора, унтеръ-офицеры, „кожи“, т. е. сверхсрочные служащіе, за ними пошла команда менѣе сознательныхъ, увлекая за собою и другихъ. Пожалуй, перешли бы на сторону желающихъ всѣ, но старшій офицеръ отдѣлилъ человѣкъ 40 и приказалъ караулу стрѣлять по нимъ, караулъ отказался, онъ повторилъ приказаніе, караулъ опять отказался, тогда старшій офицеръ вырвалъ у перваго попавшагося караульнаго винтовку и всадилъ ее въ животъ первому попавшемуся ему подъ руку матросу и два раза выстрѣлилъ въ него, одной изъ этихъ двухъ пуль онъ убилъ стоявшаго на посту часового. Тутъ уже команда не вытерпѣла, схватила винтовки, застрѣлили старшаго офицера и нѣсколькихъ другихъ офицеровъ, командиръ успѣлъ скрыться; выбрала себѣ командиромъ прапорщика Алексѣева и, снявъ съ уцѣлѣвшихъ офицеровъ погоны, арестовала ихъ. Потомъ пошли искать командира, нашли его въ адмиральской каютъ-компаніи подъ матрацомъ, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и кителѣ, вытащили его наверхъ, и одинъ изъ матросовъ, обращаясь къ командѣ, спросилъ, какъ казнить его; кто кричалъ повѣсить, кто застрѣлить, кто утопить; командиръ собирался что то сказать, но тутъ одинъ изъ матросовъ со словами „разойдись, дай дорогу, что съ нимъ тамъ разсказывать“, выстрѣлилъ въ него, потомъ выбросили за бортъ. Въ то время, какъ матросы расправлялись съ офицерами, миноносецъ, который пришелъ вмѣстѣ съ „Потемкинымъ“, вздумалъ было уйти, но съ „Потемкина“ замѣтили это, зарядили пушку и выстрѣлили въ него, онъ остановился и повернулъ къ нимъ, но „Потемкинъ“ думалъ, что онъ собирается взорвать ихъ, выстрѣлилъ вторично, тогда съ миноносца спросили, что имъ надо, что миноносецъ не думаетъ взрывать ихъ; съ „Потемкина“ потребовали ихъ къ себѣ и въ то время, какъ миноносецъ подходилъ къ нему, съ борта „Потемкина“ прыгнуло въ воду нѣсколько офицеровъ и матросовъ и хотѣли плыть на миноносецъ, но команда „Потемкина“ не допустила ихъ до миноносца, а перестрѣляла всѣхъ. По словамъ очевидца, человѣкъ 15—20 было перебито. Когда миноносецъ подошелъ къ борту „Потемкина“, съ него сняли офицера, командира миноносца, взяли у него шпагу, сняли съ него погоны и посадили въ каюту, команду взяли къ себѣ, а свою послали на миноносецъ. Послѣ всего этого, матросы вымыли палубу, на которой было много крови, отрядили часть матросовъ чистить картофель для супа, послали вахтенныхъ машинистовъ собирать машину, кочегаровъ разводить пары. Поспѣлъ супъ, усѣлись обѣдать. Арестованныхъ офицеровъ посадили рядомъ съ собою, но обѣдъ дали изъ офицерскаго камбуза, т. е. кухни. Пообѣдавъ, они приступили къ выбору офицеровъ. Командиромъ выбрали прапорщика запаса флота Алексѣева, старшимъ офицеромъ — боцмана, старшимъ механикомъ — кондуктора, въ помощники ему машиннаго унтеръ-офицера, артиллерійскаго офицера выбрали изъ артиллеристовъ, минннаго изъ минеровъ, потомъ, раздѣлившись на два отдѣленія, выбрали себѣ по офицеру, а затѣмъ снялись съ якоря и пошли въ Одессу. Въ Одессѣ похоронили убитаго офицеромъ матроса. Говорятъ, что на похоронахъ было много публики, ораторы говорили рѣчи. Объ этомъ я не буду распространяться, такъ какъ это одни лишь слухи, дошедшіе до меня. Все же остальное есть истина, такъ какъ отчасти я былъ свидѣтелемъ нѣкоторыхъ фактовъ, а отчасти получилъ свѣдѣнія отъ очень компетентнаго лица.

В.

* * *

Крымскій союзъ сообщаетъ, что по возвращеніи эскадры адмирала Кригера въ Севастополь, была сдѣлана флотской организаціей попытка поднять общее возстаніе всѣхъ судовъ. Организація разработала планъ, но не успѣла привести его въ дѣйствіе, когда пришло извѣстіе о сдачѣ „Георгія Побѣдоносца“. Она все дезорганизовала. Настроеніе теперь нѣсколько подавленное, но еще болѣе злобное. На имѣвшихъ мѣсто въ послѣдніе дни трехъ массовкахъ матросовъ (въ 80, 150 и 200 человѣкъ), матросами говорились замѣчательно интересныя и горячія рѣчи. Броненосецъ „Екатерина II“ разоруженъ, машины сняты, матросы въ экипажѣ, а корабль стоитъ. Все оружіе у матросовъ отнято и снесено въ складъ, охраняемый армейцами.

По мнѣнію организаціи, „Потемкинъ“ совершилъ ошибку, не погнавшись за уходившей отъ него эскадрой. Можно думать, что многія суда къ нему примкнули бы и возстаніе имѣло бы значительные шансы на успѣхъ.

„МЫ ПАХАЛИ“.

Судя потому, что въ № 70 Р. Р. появилась статья съ заголовкомъ: „Пропаганда въ Севастополѣ въ 1902-3 г.г.“ видно, что г.г. соціалисты-революціонеры приписываютъ исключительно себѣ начало, т. е. основу революціонной работы во флотѣ. Изъ статьи, помѣщенной въ томъ же № Р. Р., видно, также, что они (с.-р.) и только они зажгли или „пустили“ тотъ пожаръ, который нѣтъ возможности затушить теперь. Да, отчасти вы правы, г.г. с.-р., этого пожара, дѣйствительно, нельзя затушить, онъ уже слишкомъ разросся и никогда не потухнетъ, совсѣмъ никогда. И вотъ вопросъ, кто бросилъ первую искру въ уже готовый горючій матеріалъ озлобленныхъ царской дисциплиной и хроническими голодовками матросовъ? Неужели вы, г.г. соціалисты-революціонеры?? Нѣтъ, не вы, а вотъ кто: основу революціонной работы во флотѣ положилъ матросъ *соціалдемократъ*. Поступивъ на службу въ Черноморскій флотъ, онъ началъ самостоятельно проводить между матросами *соціальдемократическія идеи*, и въ сравнительно короткій срокъ, такъ какъ матросы охотно воспринимали соціальдемократическое ученіе, ему удалось сорганизовать нѣсколько кружковъ, члены которыхъ болѣе или менѣе понимали, что изъ себя представляетъ Соціальдемократическая Рабочая Партія. Самостоятельная работа во флотѣ началась съ начала 1902 г. и ведется безъ перерыва до сихъ поръ. Сначала кружковыя занятія проводилъ самъ матросъ, положившій основу работѣ, товарищъ Д. Конечно, пропаганда велась съ точки зрѣнія соціальдемократической. Литература также получалась соціальдемократическаго изданія, получалась же она отъ Севастопольской соціальдемократической рабочей группы [1]).

Работа велась энергично и не ограничивалась однимъ экипажемъ, а захватывала все большій и большій районъ. Были организованы кружки и въ другихъ экипажахъ. Въ началѣ 1903 года на сценѣ революціонной работы выступали туманнымъ пятнышкомъ и соціалисты революціонеры, но судьба ихъ была печальна, имъ не долго пришлось существовать. Нѣсколько разъ с.-р. ходили въ уже сорганизованные матросомъ соціальдемократическіе кружки вести пропаганду. Большею частью, они (с.-р.) говорили на злобу дня матросской жизни и по исторіи культуры. Но если дѣло доходило до принципіальныхъ вопросовъ, то сейчасъ же болѣе сознательные матросы вступали съ ними въ дебаты и совершенно запрещали имъ включать въ кругъ своей пропаганды эти вопросы. Послѣ такихъ дебатовъ с.-р. совершенно испарялись. Конечно не потому они испарялись, что матросы побивали ихъ на дебатахъ, нѣтъ, с.-р. востры на языкъ, ихъ трудновато было побивать матросамъ, но имъ просто предлагали не посѣщать больше кружковъ. „Вѣрѣ же Николаевнѣ“, правда, пришлось больше своихъ коллегъ посѣщать кружки, находящіеся подъ вліяніемъ соціальдемократіи. Это объясняется тѣмъ, что она не касалась принципіальныхъ вопросовъ, а просто вела общую пропаганду, или лучше сказать, читала научныя лекціи.

Впослѣдствіи соціалистамъ-революціонерамъ удалось завязать сношенія съ матросами, не входящими въ соціальдемократическую организацію. При помощи этихъ матросовъ имъ удалось организовать нѣсколько кружковъ, съ которыми они и вели отдѣльно работу. Но флотѣ образовались двѣ партіи: одна, болѣе старая и болѣе сильная (с.-д.), а другая молодая и болѣе слабая (соц.-рев.). Соціалисты-революціонеры все же таки просуществовали не долго, всего три-четыре мѣсяца. Группа ихъ провалилась, кружки распались, большая часть изъ этихъ кружковъ перешла къ соціальдемократіи. Ихніе передовые матросы частью перешли на сторону соц.-дем., частью провалились, и вмѣстѣ съ собою провалили принадлежащихъ къ соціальдемократической организаціи, а часть совершенно отстала отъ движенія и не принадлежитъ ни къ одной партіи. На этомъ соц.-рев. и покончили свое короткое существованіе. Съ 1903 года и до сихъ поръ во флотѣ работаетъ исключительно соц.-демократ. рабочая партія, а о соц.-рев. въ Севастополѣ нѣтъ ни слуху, ни духу. Удивительно, откуда взялъ авторъ письма „изъ Бухареста“ (см. „Р. Р.“, № 70), что во флотѣ ведется пропаганда соц.-революціонерами, ничего подобнаго нѣтъ тамъ. Вѣроятно, авторъ письма ослышался или ему не вѣрно передали, потому что съ 1903 года въ Севастополѣ среди матросовъ пропагандировала исключительно партія соціальдемократовъ, а о другой какой либо партіи не было, повторяемъ, ни слуху, ни духу.

Съ уходомъ со сцены соціалистовъ-революціонеровъ, во флотѣ работа достигла полнаго расцвѣта, въ особенности же въ 1905 году. Такимъ образомъ, выходитъ, что не соціалисты-революціонеры положили основу революціонной работы во флотѣ, не они зажгли „пожаръ“, у нихъ совершенно не велась работа, если не считать 3-4 мѣсяца, за которые они порядочно таки внесли дезорганизаціи въ уже организовавшіеся кружки, они только тормозили работу, не больше, и, подобно кукушкѣ, хотѣли положить яйца въ чужія гнѣзда. „Мы пахали“, эта басенька въ полномъ смыслѣ примѣнима къ соціалистамъ-революціонерамъ.

Матросы Черноморскаго флота.

* * *

(*Отъ редакціи*). Съ „Рев. Рос.“, какъ знаетъ читатель, случается не въ первый разъ, что она ошибочно относитъ на счетъ дѣятельности „партіи соц.-рев.“ крупныя событія революціонной исторіи. Въ такихъ случаяхъ съ этимъ органомъ неизмѣнно происходитъ исторія, описанная у дѣдушки Крылова въ другой баснѣ „Заяцъ на ловлѣ“:

„Ба! ты, косой, пожаловалъ откуда?
Тебя никто на *ловлѣ* не видалъ!“
„Какъ, братцы, заяцъ отвѣчалъ,
А изъ лѣсу-то кто? все я его пугалъ
И къ вамъ представилъ прямо въ поле
Сердечнаго дружка“.

Читатель помнитъ и финалъ такого рода объясненій:

„Такое хвастовство, хоть слишкомъ было явно,
Но показалось такъ забавно,
Что зайцу данъ клочекъ медвѣжьяго-ушка“.

Что и требовалось доказать, конечно.

Хвастовство „Рев. Рос.“ столь же забавно нынѣ, какъ оно было въ 1902 г., когда она старалась связать свою партію съ славными ростовскими событіями. Многіе тогда склонны были повѣрить, что какое-то участіе въ ростовскомъ движеніи соц.-рев. и впрямь принимали. Но вотъ съ тѣхъ поръ прошло три года. Слышалъ ли кто-нибудь за эти годы, чтобы „соц.-рев.“ выступали въ проявленіяхъ борьбы ростовскаго пролетаріата, какъ активная сила?

[1]) Въ то время въ Севастополѣ не было комитета, онъ образовался только въ 1903 году, тогда работа среди матросовъ пошла еще лучше, такъ какъ изъ комитета приходили на занятія съ матросами интеллигенты.

Теперь „Рев. Рос.“ утверждаетъ, что пожаръ „Потемкинскаго“ возстанія есть результатъ работы кружка „соц.-рев“. Товарищи-матросы опровергаютъ это утвержденіе по существу. Мы же попросимъ „Рев. Рос.“ отвѣтить намъ: вѣрно ли, что никакой партійной организаціи у „партіи „соц.-рев.“ въ Севастополѣ не имѣется? вѣрно ли, что въ Крыму у нихъ имѣется своя организація только въ г. Ялтѣ? вѣрно ли, что имѣющаяся въ Симферополѣ „группа „соц.-рев.“ не есть партійная группа? вѣрно ли, что ни одного листка, обращеннаго къ матросамъ, „соц.-рев“, за все время массовой агитаціи въ Черноморскомъ флотѣ, не выпустили?

Въ параллель съ утвержденіями о выдающейся роли „соц.-рев.“ въ движеніи матросовъ, идутъ утвержденія объ ихъ крупной роли въ руководствѣ одесской стачкой. Г-нъ Ф. В. (ст. „Возставшій броненосецъ“ № 70) скромно заявляетъ: „Потемкинъ имѣлъ передъ собой городъ, охваченный сильнымъ рабочимъ движеніемъ, происходившимъ не стихійно, а, какъ свидѣтельствуетъ правительственное сообщеніе, подъ руководствомъ нашей партіи (на самомъ дѣлѣ, добродушно добавляетъ г. Ф. В., вѣроятно, и другія революціонныя организаціи принимали участіе въ движеніи)“.

Удивительно освѣдомлены о работѣ своей партіи писатели „Рев. Рос.“ О томъ, что одесское движеніе шло подъ руководствомъ этой партіи, они узнали изъ „правительственнаго сообщенія“. Но, разъ узнавши, они уже рѣшили не вѣрить своимъ собственнымъ комитетамъ. Въ томъ же № газеты помѣщена корреспонденція отъ Одесскаго Комитета, въ которой разсказанъ ходъ іюньскихъ событій, упомянуто объ участіи „соц.-рев.“ на митингахъ около трупа Вакуленчука, объ ихъ участіи въ баррикадной борьбѣ, и нѣтъ и тѣни претензіи на то, чтобы стачечное движеніе, *хотя бы на одной фабрикѣ*, было вызвано и руководимо „соц.-рев“! Но г. Ф. Н. увѣренъ, что начальство лучше знаетъ!

Почему понадобилось правительственному сообщенію *солгать*, будто бы арестованная на Пересыпи рабочая депутація была созвана „соц.-рев.“, — неизвѣстно. На самомъ дѣлѣ, въ этомъ собраніи, повидимому, „соц.-рев.“ вовсе не участвовали, какъ и вообще во всемъ одесскомъ движеніи они играли второстепенную роль. Г-нъ Ф. В., конечно, хорошо это знаетъ, но... „такое хвастовство хоть слишкомъ было явно“... Все-таки можно будетъ въ отчеты (на иностр. языкахъ) о дѣятельности „Партіи соц.-рев.“ вписать еще одну славную страницу!

А, между тѣмъ, иногда почему то „Рев. Рос.“ умалчиваетъ о роли своей партіи какъ разъ тамъ, гдѣ ее нельзя оспорить. Такъ, въ томъ же №, въ ст. „Изъ дневника читателя“, мы нашли такія строки о вновь учрежденномъ „Рос. Освоб. Союзѣ“: „Сознательно или безсознательно, но онъ является несомнѣннымъ плодомъ усилія *либерализма* (курс. нашъ) овладѣть рабочимъ движеніемъ“ и т. д. Очень вѣроятно, но... „сознательно или безсознательно“, „Р. Р.“ забыла, что дѣлу этого союза не *чужды и „с.-р.“*. Мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ, что авторомъ устава и программы „Союза“ является *видный членъ партіи „соц.-рев.“* Мы не думаемъ, конечно, чтобы отъ этого факта мѣнялся политическій смыслъ этого предпріятія. Но едва ли авторъ „Дневника читателя“ согласится съ нами въ этомъ пунктѣ.

ІЮЛЬСКІЕ ДНИ ВЪ ОДЕССѢ.

I іюля.

Прошло уже нѣсколько дней послѣ крупныхъ историческихъ событій, пережитыхъ одесскимъ пролетаріатомъ, и пора подвести итоги... Необходимо разобраться въ этихъ событіяхъ, посмотрѣть, какую роль сыграла въ нихъ соціальдемократія, разобраться въ причинахъ нашихъ неудачъ, поскольку въ нихъ играли роль объективныя условія, и поскольку — наша неподготовленность...

Прежде всего, я постараюсь нарисовать картину развитія событій въ связи съ тактикой нашей организаціи (Одесской Группы).

Я уже писалъ, какъ, подъ вліяніемъ нашей организаціи, съ одной стороны, и съ другой — подъ вліяніемъ нищеты и голода, возникла продолжительная забастовка, въ концѣ истощившая рабочихъ, и какъ рабочая масса на Пересыпи все болѣе и болѣе революціонизировалась... Первой вспышкой этого настроенія была самопроизвольно возникшая революціонная демонстрація на Московской улицѣ... Цѣлый рядъ большихъ (на нѣкоторыхъ было до 600-700 рабочихъ) и малыхъ собраній, на которыхъ выступали наши ораторы, ясно показывалъ, что рабочая масса стала сознавать тѣ причины, которыя препятствовали ей вести успѣшно стачечную борьбу; всѣ политическіе лозунги встрѣчались ею прямо таки восторженно; точно такъ же выражалось желаніе бороться подъ руководствомъ нашей партіи за пролетарскіе идеалы. Дальнѣйшее положеніе покажетъ, насколько глубоко проникло въ сознаніе рабочихъ, что вся ихъ борьба должна идти подъ руководствомъ нашей партіи; въ тотъ періодъ къ соціальдемократіи рабочіе относились съ полнымъ довѣріемъ, и лучшая часть передовыхъ рабочихъ вступила въ наши ряды. За послѣдніе дни стачки когда уже становилось очевиднымъ, что она будетъ проиграна среди передовыхъ рабочихъ возникла мысль объ устройствѣ всеобщей политической стачки. Эта агитація велась очень широко въ рабочей средѣ на Пересыпи и встрѣчала повсюду сочувственный откликъ, что особенно ярко было замѣтно на митингѣ у завода Гена. Что касается городскихъ рабочихъ, то тамъ настроеніе было тоже подходящее; единственное сомнѣніе представлялъ Дальницкій районъ. За нѣсколько дней до начала событій было устроено собраніе наиболѣе передовой части пересыпскихъ рабочихъ, гдѣ этотъ вопросъ былъ почти окончательно рѣшенъ. Было рѣшено для окончательнаго выясненія устроить собраніе рабочихъ отъ всѣхъ заводовъ Одессы и тогда окончательно рѣшить вопросъ о призывѣ. Но арестъ уполномоченныхъ поднялъ всю Пересыпь, и бросили работу всѣ заводы, которые было приступили къ работѣ, получивъ значительныя уступки.

Къ сожалѣнію, я лишенъ возможности сообщить для печати, почему событія у завода Гена—они первые выступили на Пересыпи — застигли насъ врасплохъ, и въ нихъ приняли участіе нѣкоторые товарищи лишь случайно...

Когда фактъ убійства двухъ рабочихъ донесся до насъ, мы рѣшили призвать рабочихъ ко всеобщей забастовкѣ. Этотъ лозунгъ былъ данъ какъ нашей организаціей, такъ и „Бундомъ“. Въ понедѣльникъ въ городѣ началась уже съемка съ работъ. Настроеніе среди рабочихъ было сильно возбужденное. Митингъ на мосту ясно показалъ, что рабочіе сознательно готовы протестовать противъ тѣхъ политическихъ порядковъ, при которыхъ возможны такіе ужасы... Я уже описывалъ этотъ митингъ, и въ той рабочей массѣ, дѣйствительно, революціонное настроеніе достигло своего апогея. На этомъ собраніи нашъ ораторъ призывалъ къ всеобщей стачкѣ.

Слѣдующій день настроеніе слегка падаетъ... Съемка съ работъ продолжается... Но при первомъ появленіи полиціи толпа разбѣгается въ паническомъ страхѣ. Никогда не забуду, какъ трехтысячная толпа, направлявшаяся съ Пересыпи въ городъ, бѣжала отъ пяти-шести полицейскихъ, стрѣлявшихъ притомъ холостыми зарядами... Въ городѣ настроеніе было нѣсколько лучше, но и здѣсь всюду чувствовалось, что въ массѣ нѣтъ боевой готовности: или побѣдить, или умереть. Главнымъ элементомъ „революціонныхъ“ актовъ (вродѣ постройки баррикадъ, довольно таки игрушечнаго свойства) являются подростки. На Дальникѣ въ этотъ день часть заводовъ, въ томъ числѣ и желѣзнодорожныя мастерскія, продолжаютъ работать... Но все-таки, несомнѣнно, стачка разростается, и въ городѣ возбужденіе растетъ. Въ этотъ день выступаетъ первый дефектъ нашей организаціи (да не только нашей, и всѣхъ) — отсутствіе оружія, необходимаго для дезорганизаціи правительственныхъ силъ и для отпора полицейской бандѣ. Рабочіе чувствуютъ свою безпомощность, и это въ значительной степени парализу-

...етъ ихъ революціонную энергію... Со всѣхъ сторонъ раздается требованіе оружія... На Пересыпи рабочіе прямо обвиняютъ организацію въ томъ, что она не даетъ оружія[1]). Безъ оружія, говорятъ рабочіе, мы не можемъ выступать...

И, дѣйствительно, въ эти дни мы чувствовали свое безсиліе. Звать рабочихъ на митингъ безъ оружія мы всѣ не считали себя въ правѣ — дѣйствія полиціи въ городѣ насъ ясно убѣждали, что будетъ употреблена вооруженная сила, и безоружная толпа будетъ немедленно разсѣяна съ большими жертвами... Да и въ настроеніи большей части рабочихъ не было боевой готовности... Было рѣшено въ этотъ день придерживаться слѣдующей тактики: снимать съемку съ работы во всѣхъ частяхъ города и двинуть всю массу къ Прохоровской улицѣ, гдѣ и открыть митингъ... Но этотъ планъ былъ разбитъ послѣ того, какъ была разсѣяна трехтысячная толпа, шедшая съ Пересыпи... На слѣдующій день (въ среду) было рѣшено продолжать съемку съ работъ (стачка все еще не была всеобщей), а затѣмъ устраивать митинги тамъ, гдѣ возможно. Чувствовалось, что настроеніе идетъ на убыль...

Въ среду рано утромъ мы получили извѣстіе о прибытіи броненосца... Я былъ тогда на Пересыпи и видѣлъ, какъ матросы объѣзжали берегъ и призывали рабочихъ идти въ портъ, куда они вынесутъ трупъ убитаго; тутъ же они раздавали прокламаціи къ казакамъ и войскамъ. Немедленно направился я къ товарищамъ и подѣлился съ ними важнымъ извѣстіемъ. Было рѣшено немедленно созвать представителей всѣхъ соц.-дем. организацій для выработки совмѣстныхъ дѣйствій. Послѣ долгихъ дебатовъ было рѣшено слѣдующее: немедленно отправить на броненосецъ депутатовъ отъ трехъ соц.-дем. организацій съ предложеніемъ части матросовъ (изъ всего числа 700-800 матросовъ мы разсчитывали на 500) выйти на берегъ съ оружіемъ. Вмѣстѣ съ трупомъ, всей толпѣ двинуться въ городъ, на Думскую площадь, съ тѣмъ, конечно, чтобы впереди толпы шли вооруженные матросы. На Думской площади устроить торжественныя похороны убитому товарищу. Послѣ похоронъ двинуться въ городъ и прекратить всѣ работы, торговлю... Послѣ этого (а можетъ, и раньше) завладѣть телефономъ, телеграфомъ, разрушить желѣзную дорогу съ цѣлью воспрепятствовать подвозу войска... По полученнымъ изъ военной группы свѣдѣніямъ, одна часть (около 250) солдатъ готовы присоединиться къ народу; въ другихъ частяхъ настроеніе было болѣе или менѣе благопріятное, особенно среди запасныхъ. Казаковъ было мало. Въ это время мы были извѣщены, что въ порту уже масса народу... Мы немедленно направились въ портъ. Мы шли бороться на баррикадахъ... Казалось, близокъ часъ побѣды... „Да здравствуетъ революція!“ говорили мы другъ другу, разставаясь...

Въ порту мы были къ 12 часамъ. Первое, о чемъ нужно было позаботиться, это отправить депутатовъ къ матросамъ. Съ большимъ трудомъ намъ удалось найти лодку, и трое товарищей отправилось въ путь.

Оказалось, что уже съ десяти часовъ утра въ порту тысячи народа. Уже смѣнилось нѣсколько ораторовъ, рѣчи которыхъ были встрѣчены восторженно. Многіе говорили надъ трупомъ убитаго, другіе на особо устроенныхъ возвышеніи. Настроеніе среди толпы возбужденное. Вотъ вдали показывается катеръ съ матросами. Толпа устремляется къ берегу и долго долго привѣтствуетъ героевъ-матросовъ... Изъ толпы раздается: „смерть убійцамъ“! и этотъ лозунгъ находитъ могучій откликъ въ толпѣ... „Слава погибшему“, — и могучее „ура“ оглашаетъ воздухъ...

Казалось бы, настроеніе очень хорошее. Но вотъ откуда-то раздается крикъ[1]): „казаки“! и толпа въ паническомъ ужасѣ бросается въ сторону... Мы напрягаемъ всѣ усилія, чтобы остановить ее. Толпа успокаивается. Проходитъ немного времени, и снова разыгрывается такая же сцена. Ясно, революціонное настроеніе и здѣсь не достигло той ступени, когда и казацкія пули не страшны, когда толпа вдохновлена однимъ лишь порывомъ — или побѣдить, или умереть. Чувствуется въ каждомъ ея поступкѣ, что нѣтъ въ ней боевой готовности! Всматриваясь въ толпу, въ ея настроеніе, мы начинаемъ понимать, что *эта* толпа едва ли пойдетъ за нами на баррикады!.. Чѣмъ больше мы среди нея находились, тѣмъ больше мы убѣждались въ правотѣ своего анализа. Рядъ инцидентовъ, происшедшихъ за этотъ періодъ, лишь подтверждалъ это мнѣніе почти всѣхъ товарищей. Но мы ждали отвѣта съ броненосца. Спустя часа два, вернулся одинъ товарищъ и сообщилъ, что матросы отказались принять нашъ планъ. Они заявили, что они не могутъ оставить броненосца и ждутъ прибытія остальной эскадры, которая — по ихъ словамъ — безусловно къ нимъ присоединится. Только послѣ прибытія остальной эскадры они приступятъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Нашъ планъ былъ разбитъ... Спустя нѣкоторое время, мы обратились къ рабочимъ съ предложеніемъ закрыть митинги, сообщивъ отвѣтъ съ броненосца...

* * *

Въ послѣдніе дни „опытные“ въ военномъ дѣлѣ люди говорили, что матросы поступили вполнѣ правильно, такъ какъ съ переходомъ 500 человѣкъ изъ команды на берегъ броненосецъ потерялъ бы въ громадной степени свою боевую силу. Да и сами матросы говорили, что „только на морѣ они сила“... Мы и до сихъ поръ глубоко убѣждены, что для *успѣха возстанія* переходъ матросовъ на берегъ могъ имѣть рѣшающее значеніе. Если принять во вниманіе сочувственное настроеніе большей части войскъ (часть ихъ выражала готовность присоединиться къ матросамъ), небольшую численность ихъ въ этотъ день, — съ одной стороны, и съ другой — настроеніе народа и полную растерянность правительственныхъ чиновниковъ, нетрудно представить себѣ, что при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ выступленіе матросовъ съ народомъ могло завершиться побѣдой народа. Къ сожалѣнію, матросы были другого мнѣнія и предложенный товарищами планъ былъ встрѣченъ несочувственно. Считаю необходимымъ отмѣтить, что вообще къ соціальдемократамъ матросы отнеслись въ высшей степени довѣрчиво и даже попросили удалиться явившагося на броненосецъ соціалиста-революціонера, заявивъ, что рабочей партіей они признаютъ только соціаль-демократическую. Изъ бесѣдъ съ матросами ясно было, что никакого опредѣленнаго плана у нихъ не было, какъ не было и достаточнаго пониманія задачъ возстанія. Не буду описывать собраній, которыя происходили на броненосцѣ; это не входитъ въ задачу настоящей статьи. Перейду къ описанію дальнѣйшихъ шаговъ организацій.

Послѣ того, какъ мы дали лозунгъ расходиться, большая часть рабочихъ направилась небольшими группами въ городъ. Расходясь, рабочіе запѣли „Варшавянку“, но мы обратились къ нимъ съ просьбой идти „мирно“, дабы не вызвать столкновенія съ казаками. Когда мы возвращались изъ города, по дорогѣ мы встрѣчали длинныя вереницы направлявшейся въ портъ публики. Все это, въ громадномъ большинствѣ, *была мѣщанская, обывательская публика*. Это было уже около 3½ часовъ дня. Въ 5 часовъ было назначено собраніе трехъ организацій. Собравшись, мы прежде всего выслушали отчетъ нашихъ депутатовъ, бывшихъ на броненосцѣ и затѣмъ подѣлились итогомъ нашихъ впечатлѣній о настроеніи народа. Не вдаваясь въ подробности, замѣчу, что общее впечатлѣніе говорило за то, что въ массѣ не замѣчалось рѣзко боевого настроенія... Но можно съ увѣренностью сказать, что появленіе матросовъ на берегу воодушевило бы народъ.

1) Долженъ отмѣтить слѣдующее. До начала событій „соц.-рев.“, съ цѣлью привлечь на свою сторону рабочихъ, обѣщали дать тысячу револьверовъ и увѣряли, что у нихъ имѣется много бомбъ. Когда начались событія, они совершенно скрылись, и это дало поводъ [illegible] рабочимъ говорить, что [illegible] „обманули насъ“.

2) [illegible]

Въ городѣ въ этотъ день было спокойно: онъ совершенно пустовалъ. Въ этотъ день стачка стала, дѣйствительно, всеобщей; всякая дѣятельность, кромѣ полицейской, пріостановилась... Обсудивъ положеніе вещей, организаціи рѣшили отправить снова товарищей на броненосецъ для переговоровъ съ матросами съ предложеніемъ координировать наши дѣйствія съ ихъ дѣйствіями и затѣмъ предложить имъ не бомбардировать города безъ нашего согласія. Въ городѣ мы сохранили лозунгъ всеобщей забастовки. Какъ видите, положеніе было довольно неопредѣленное, да оно и не могло быть инымъ, такъ какъ *большее* зависѣло отъ броненосца, который пока еще дѣйствовалъ совершенно самостоятельно.

Къ этому же времени стали приходить извѣстія о начавшемся разгромѣ въ Порту. Мы были всѣ убиты этимъ извѣстіемъ... Какъ выяснилось впослѣдствіи, къ этому времени публика, находившаяся въ порту, состояла почти исключительно изъ босяковъ и обывателей; всѣ утверждаютъ, что рабочихъ тамъ было очень немного. Разгромъ начался съ Монополія и винныхъ складовъ еще съ четырехъ часовъ. Болѣе рѣшительные размѣры онъ принялъ — *по словамъ товарищей, тамъ находившихся* — послѣ рѣчи какого-то господина. Привожу со словъ товарищей почти дословно одно мѣсто изъ его рѣчи: „Товарищи, — обратился онъ къ толпѣ — вы голы?“ — Толпа отвѣчаетъ: „голы, голы“ — Вотъ, продолжаетъ онъ — лежатъ склады одежды, созданные вашимъ трудомъ и вамъ принадлежащіе... „Товарищи, вы голодны?“ — „Голодны, голодны“ — отвѣчаетъ толпа и „ораторъ“ снова указываетъ на склады... Босяцкая масса легко восприняла данный ей лозунгъ, тѣмъ болѣе, что по своей „природѣ“ она уже была настроена соотвѣтствующимъ образомъ... Попытки бывшихъ тамъ рабочихъ остановить разгромъ кончились неудачей. Слѣдуетъ отмѣтить, что масса босяковъ, главнымъ образомъ, набросилась на водку, на вино и перепилась до безчувствія. Рабочіе, чтобы воспрепятствовать пьянству, скатывали вино въ море... Когда мы, часамъ къ девяти, вышли изъ квартиры, портъ горѣлъ и городъ былъ залитъ краснымъ огненнымъ свѣтомъ... Какой-то ужасъ невольно захватывалъ душу... Тревожное настроеніе достигло въ городѣ своего апогея, народъ высыпалъ на улицу и каждый въ ужасѣ думалъ о завтрашнемъ днѣ... Всю ночь городъ не спалъ...

Въ портъ были направлены всѣ бывшія въ городѣ войска. Я остановлюсь теперь нѣсколько подробнѣе на той роли, которую играли во все время событій войска мѣстнаго гарнизона. Замѣчу сейчасъ же, что конспиративныя причины не даютъ мнѣ возможности сообщить нѣкоторыя весьма характерныя данныя для настроенія въ войскѣ. Несомнѣнно, что войска относились съ полнымъ сочувствіемъ къ возставшему народу. Мнѣ извѣстенъ цѣлый рядъ фактовъ, когда солдаты уходили изъ казармъ *съ готовностью по первому призыву присоединиться къ народу*. Было единодушное настроеніе *не* стрѣлять. Въ одномъ полку двѣ роты совсѣмъ отказались выходить. Въ одной ротѣ офицеръ обратился съ рѣчью къ солдатамъ, въ которой нарисовалъ картину современныхъ бѣдствій Россіи и сказалъ: „Солдаты, вы люди сознательные и вы должны знать, какъ поступать!..“ Во время постройки баррикадъ одна рота совсѣмъ отказалась стрѣлять, изъ другой стрѣляли ...*шесть солдатъ вверхъ!* Въ порту изъ 16 ротъ стрѣляли лишь двѣ, изъ которыхъ одна рота стрѣляла вверхъ. Въ ней нашлось лишь девять защитниковъ царя. Другіе солдаты прямо повыбрасывали патроны и просто отступали... Словомъ, несомнѣненъ для насъ фактъ *сочувственнаго* отношенія солдатъ. И если было такъ много жертвъ въ порту, то они явились результатомъ не *солдатскихъ* пуль, а полицейскихъ и казацкихъ, а, главнымъ образомъ, жертвой пожара. По свѣдѣніямъ портовой администраціи, погибло около 1200 человѣкъ. Убитыхъ и раненыхъ тамъ около 200 человѣкъ.

Но настроеніе войска сильно измѣнилось, когда толпа бросала въ нихъ камнями. „Мы ждали призыва присоединиться — говорили массовые солдаты, — намъ говорили, что народъ за насъ... а что же?...въ насъ камнями бросали“...

По словамъ солдатъ, въ нихъ стрѣляли; но по увѣренію сознательныхъ, эта стрѣльба была организована полиціей, съ понятными цѣлями...

Солдаты пробыли въ порту всю ночь. Къ утру стали прибывать въ городъ свѣжія войска... Днемъ городъ обратился въ военный лагерь. Во многихъ мѣстахъ были разставлены пушки и пулеметы. Полицейскіе расклеиваютъ приказъ объ объявленіи города на военномъ положеніи. По городу начинаютъ циркулировать всевозможные слухи о броненосцѣ; упорно говорятъ о скорой бомбардировкѣ... Весь городъ бастуетъ.

Е. — в.

НЕКРОЛОГЪ.

„Жилъ ты не долго, но честно
На славу родной сторонѣ...“

Одесса. 12-го іюня, на баррикадахъ на Пересыпи палъ отъ вражеской пули нашъ товарищъ Николай Медвѣдевъ (по нелегальному паспорту). Сынъ крестьянина, родился въ 1881 г., въ Самарской губерніи; до 19 лѣтъ оставался въ деревнѣ, гдѣ успѣлъ кончить курсъ сельской школы, получилъ небольшое развитіе отъ книгъ, прочитанныхъ имъ; увлекся евангеліемъ, свободное толкованіе котораго сдѣлало его сперва штундистомъ; преслѣдуемый правительствомъ за сектантскую пропаганду, онъ сдѣлался потомъ ярымъ врагомъ самодержавія. Въ Самарѣ сдалъ экзаменъ на званіе „инструктора“ для поступленія во флотъ. Служилъ онъ въ черноморской эскадрѣ на броненосцѣ „Екатерина II“, который находился въ Севастополѣ. Здѣсь онъ подпалъ подъ вліяніе соціальдемократической агитаціи, и сдѣлался вполнѣ зрѣлымъ человѣкомъ. Ученіе соціальдемократіи дало вполнѣ ясные и опредѣленные отвѣты на всѣ вопросы, волновавшіе эту любознательную натуру. Опредѣлившись, онъ сталъ заниматься агитаціей среди матросовъ; своею искренностью, простотою, убѣжденностью, честностью, своимъ товарищескимъ отношеніемъ, онъ служилъ для матросовъ примѣромъ, онъ увлекалъ ихъ. Всегда во всѣхъ столкновеніяхъ съ начальствомъ онъ былъ впереди, во время бунта 8000 матросовъ онъ былъ однимъ изъ вожаковъ; здѣсь былъ арестованъ, лишенъ званія „инструктора“ и преданъ военному суду; просидѣвши 4 мѣсяца въ тюрьмѣ, былъ выпущенъ до суда (20 іюня с. г. судъ долженъ былъ состояться). Не желая сдаваться въ руки врага, стремясь всѣми фибрами своей честной революціонной души къ борьбѣ съ царизмомъ, онъ рѣшилъ перейти на нелегальное положеніе. Получивъ отъ Севастопольской организаціи паспортъ на имя Николая Медвѣдева, онъ пріѣхалъ въ Одессу. Вошелъ къ намъ въ организацію, гдѣ я впервые съ нимъ познакомился. Ростомъ и тѣлосложеніемъ — богатырь, лицомъ — некрасивый, рѣчью — некрасорѣчивый, — онъ приковывалъ къ себѣ за то простотою, своею искренностью, убѣжденностью, своею скромностью и глубоко продуманной рѣчью. Въ Одессѣ онъ поступилъ на кирпичный заводъ чернорабочимъ. Здѣсь завелъ связи со всѣми кирпичными заводами, гдѣ работаютъ пришлые крестьяне, устраивалъ кружки, „массовки“. Во время общей пересыпской забастовки, благодаря его работѣ, забастовали и кирпичники. Заподозрѣнный въ агитаціи, былъ арестованъ, просидѣлъ двѣ недѣли въ участкѣ, послѣ чего былъ освобожденъ, но паспортъ нелегальный оставленъ въ полиціи. Со дня выхода изъ участка онъ ведетъ „уличную“ агитацію среди бастующихъ пересыпцевъ, заводитъ знакомства, организуетъ собранія и т. под. Скоро всѣмъ сталъ извѣстенъ „Ѳедоръ-кирпичникъ“ (такъ прозвали его), какъ хорошій и вѣрный товарищъ. Такъ какъ полиція искала [illegible] его, то было предложено ему (съ [illegible]) уѣхать изъ Одессы, но онъ не соглашался. „Какъ такъ, [illegible] [illegible] (на борьбу), и вотъ вечно звалъ все время на борьбу, самъ ея жаждалъ, а теперь, когда день уже товарищами назначенъ (12—13 іюня), теперь я уѣду?.. Нѣтъ, это безсмыслица!“ Онъ оставался работать. 11 іюня у насъ было собраніе далеко за городомъ, куда я пошелъ съ Ѳедоромъ. Дорогою онъ мнѣ разсказалъ свою вышеприведенную біографію, говорилъ о работѣ соц.-дем. среди матросовъ и предсказывалъ, что матросы во всякое время готовы перейти на сторону борющагося народа.

11 іюня онъ разсказывалъ свою біографію, 12 онъ былъ убитъ; 11 іюня онъ предсказывалъ переходъ матросовъ на сторону народа, 13 — это совершилось...

12 іюня во время столкновенія рабочихъ съ вооруженнымъ отрядомъ казаковъ, Ѳедоръ стоялъ впереди всѣхъ и выше всѣхъ, на вышкѣ груды камней, откуда металъ вмѣстѣ съ остальными товарищами камни. Пули свистали надъ головой его, но онъ не обращалъ вниманія. Онъ тамъ оставался на посту до послѣдней минуты жизни своей. Лишь пуля, попавшая въ сердце, заставила этого богатыря смириться...

Преданность рабочему движенію, соціальдемократическая сознательность, мужество, непримиримая борьба и геройская смерть товарища Ѳеодора будетъ служить гордостью рабочаго класса... Вѣчная память тебѣ, дорогой товарищъ!.. Миръ праху твоему!..

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ДЕМОНСТРАЦІИ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРОЛЕТАРІАТА ВЪ ПОЛЬЗУ МИРА.

Въ концѣ іюня и началѣ іюля вся Западная Европа переживала тяжелые дни. Опасность возможной франко-германской войны обнаружилась какъ-то неожиданно для всѣхъ и угнетающе дѣйствовала на умы. И дѣйствительно, марокскій вопросъ появился на сцену какъ deus ex machina, и никто не могъ бы сказать, какіе жизненные интересы той или иной изъ заинтересованныхъ націй сталкивались въ этой африканской странѣ и требовали во что бы то ни стало болѣе или менѣе радикальнаго кровопусканія. Просто, это мстилъ за себя старый грѣхъ буржуазнаго общества, не доведшаго до конца ни одной изъ своихъ революцій и оставившаго рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ въ рукахъ кучки дипломатовъ, распоряжающихся изъ своихъ кабинетовъ народной кровью и народнымъ достояніемъ. Филистеръ стоялъ въ недоумѣніи передъ этимъ продуктомъ своей собственной негодности и со страхомъ ждалъ, что будетъ. Къ счастью, на этотъ разъ господамъ дипломатамъ удалось безъ всякаго членовредительства вытащить себя за собственныя косы изъ болота, въ которое они же добровольно залѣзли. По этому поводу въ европейской печати необычайный восторгъ и восхваленіе необыкновенныхъ дипломатическихъ талантовъ двухъ главныхъ героевъ этой авантюры — господина Рувье и князя, вчерашняго графа, Бюлова.

Соціальдемократія не могла, однако, оставаться хладнокровнымъ зрителемъ этихъ экспериментовъ, первой и главной жертвой которыхъ могли бы стать тысячи пролетарскихъ жизней. Далекая отъ сантиментальной мысли о возможности вѣчнаго мира въ современномъ обществѣ, гдѣ рѣзко сталкиваются между собою общественныя группы съ обособленными противоположными интересами, соціальдемократія знаетъ, что единственнымъ прочнымъ оплотомъ мира можетъ быть ростъ соціалистическаго сознанія и международной солидарности пролетаріевъ. Этимъ и была подсказана тактика французской и германской соціальдемократіи въ періодъ марокскаго кризиса.

Братскій союзъ пролетаріевъ обѣихъ націй и протестъ противъ таинственныхъ махинацій дипломатіи должны были подкрѣпиться непосредственнымъ обращеніемъ французскаго соціалиста къ берлинскимъ пролетаріямъ. Съ этой цѣлью въ Берлинъ былъ приглашенъ Жоресъ. Но опять на сцену выступили остатки ancien régime'a: модернизированный князь Бюловъ показалъ свои феодальныя уши и запретилъ Жоресу пріѣздъ въ Берлинъ. Въ письмѣ къ германскому посланнику въ Парижѣ Бюловъ, всячески восхваляя политическія таланты Жореса, съ которымъ онъ, Бюловъ, часто оказывался солидарнымъ, все же отказываетъ разрѣшить Жоресу выступленіе въ Берлинѣ, на томъ основаніи, что нѣмецкіе соціальдемократы, какъ это должно быть извѣстно Жоресу изъ его амстердамскаго опыта, отличаются крайней неумѣренностью и намѣреваются воспользоваться пріѣздомъ Жореса для усиленія своей агитаціи. Весьма вѣроятно, что и въ этомъ письмѣ своемъ Бюловъ видѣлъ образцовое произведеніе своего дипломатическаго творчества и, пожалуй, въ этомъ случаѣ былъ правъ, такъ какъ письмо имѣло послѣдствія совершенно противоположныя тѣмъ, какія отъ него ожидались: оно не убѣдило Жореса въ добрыхъ намѣреніяхъ германскаго канцлера и не уменьшило, а скорѣе усилило агитацію въ германскомъ пролетаріатѣ.

Рѣчь Жореса, которую онъ теперь не имѣлъ возможности произнести передъ берлинскими рабочими, была въ соотвѣтствующій день напечатана всей соціальдемократической прессой и прочитана десятками тысячъ пролетаріевъ. Назначенное на этотъ же день въ Берлинѣ собраніе привлекло, несмотря на отсутствіе Жореса, тысячи берлинскихъ рабочихъ и превратилось въ грозный протестъ противъ дипломатическихъ махинацій и общеевропейской реакціи. Громомъ аплодисментовъ была встрѣчена на этомъ собраніи телеграмма Жореса, резюмировавшая суть его рѣчи. „Товарищи, — гласила эта телеграмма, — я всѣмъ сердцемъ съ вами на этомъ собраніи, чтобы вмѣстѣ съ вами подтвердить силу единства между нѣмецкимъ и французскимъ пролетаріатомъ. Совмѣстная работа того и другого пролетаріата обезпечитъ всеобщій миръ путемъ завоеванія соціальной справедливости и политической свободы. Ничто не можетъ насъ разъединить: ни шовинистическіе предразсудки, ни запреты правительствъ, ни грубая искусственность дипломатическихъ похвалъ. Мы всѣ едины, всѣ составляемъ одно; у насъ одна воля, одно сознаніе. Невозможно нанести ударъ одному изъ насъ, не поражая другихъ; похвала одного заключаетъ также похвалу другихъ. У правящихъ классовъ всѣхъ странъ стала обычной тактика противопоставленія внѣшнихъ соціалистовъ соціалистамъ внутреннимъ. На самомъ же дѣлѣ это есть еще одно признаніе силы международнаго соціализма, который правительства надѣются побороть, только пытаясь его раскалывать. А это должно служить для насъ тѣмъ большимъ основаніемъ проникнуться мыслью о томъ, что международная соціальдемократія едина и недѣлима“.

Берлинскій пролетаріатъ отвѣтилъ на это слѣдующей единогласно принятой огромнымъ собраніемъ резолюціей: „Собраніе рѣшительно протестуетъ противъ бюловскаго запрещенія Жоресу выступить на сегодняшнемъ собраніи, протестуетъ противъ этой мелочной придирки, недостойной культурнаго государства и являющейся жестокимъ насиліемъ надъ берлинскими рабочими. Оно отмѣчаетъ тотъ фактъ, что соціализмъ и пропагандируемая имъ идея мира, противопоставляемая воинственнымъ тенденціямъ капиталистическаго общества, пріобрѣли уже такую силу, что даже германскій имперскій канцлеръ принужденъ выразить имъ свое признаніе въ формѣ запрета держать рѣчь, но оно отказывается и отъ похвалъ, которыя международной соціальдемократіи пришлось выслушать, хотя и окольнымъ путемъ — черезъ Парижъ — изъ устъ подобнаго господина. Собраніе торжественно заявляетъ, что оно, какъ и прежде, будетъ стремиться употребить всю силу и вліяніе соціалистическаго рабочаго движенія Германіи для сохраненія международнаго мира, какъ необходимаго предварительнаго условія освобожденія рабочаго класса отъ политическихъ и экономическихъ оковъ классоваго государства въ цѣляхъ превращенія буржуазнаго общества въ соціалистическое. Оно особенно благодаритъ тов. Жореса и выражаетъ свое полное согласіе съ его [illegible] черезъ „Vorwärts“ до сей [illegible] рѣчью и проситъ его особенно французскихъ

объединенной, родственной партіи объ этомъ международномъ согласіи во взглядахъ. Собраніе пользуется еще этимъ случаемъ, чтобы выразить свою глубокую симпатію русскому пролетаріату и всѣмъ русскимъ революціонерамъ, ведущимъ столь геройскую борьбу съ преступнымъ московскимъ режимомъ, который можетъ еще держаться у власти только путемъ убійства безоружныхъ женщинъ и дѣтей, но низверженіе котораго означало бы освобожденіе всей Европы, такъ какъ одно его существованіе является вѣчной угрозой международному миру, вѣчной причиной всѣхъ реакціонныхъ попытокъ въ пруссифицированной Германіи".

Въ тотъ же день въ другомъ концѣ Германіи должна была состояться другая пролетарская манифестація, имѣвшая ту же цѣль протеста противъ воинственныхъ затѣй правящихъ сферъ и связанныхъ съ ними реакціонныхъ плановъ противъ демократіи. Въ небольшомъ пограничномъ городѣ Констанцѣ (не въ румынской Констанцѣ, а въ баденскомъ городѣ, гдѣ нѣкогда собирался знаменитый Констанцкій соборъ, осудившій на смерть Гуса) должны были передъ пролетаріатомъ, собравшимся изъ многихъ городовъ Швейцаріи и всѣхъ окрестныхъ германскихъ государствъ, говорить представители германской, австрійской, швейцарской и итальянской соціаль-демократіи. Но баденскіе министры позавидовали лаврамъ Бюлова и разрѣшили говорить одному только германцу-Бебелю. Но отъ этого агитаціонное значеніе собранія только усилилось. Да и помѣшать слушать другихъ ораторовъ баденское правительство не могло. Констанцъ расположенъ на самой границѣ и въ 10 минутахъ ходьбы отъ него расположена швейцарская деревня Крейцлинтенъ, гдѣ — какъ сказалъ Бебель — „дозволено то, что здѣсь запрещено." По окончаніи рѣчи Бебеля, говорившаго въ Констанцѣ, волна народа хлынула въ Швейцарію, гдѣ она могла свободно выслушать другихъ ораторовъ, клеймившихъ трусливость правящихъ классовъ и призывавшихъ пролетаріевъ всѣхъ національностей къ борьбѣ съ воинственными стремленіями своихъ правительствъ.

Если въ приведенныхъ случаяхъ, мы имѣемъ дѣло съ рѣчами и резолюціями, матеріальный результатъ которыхъ не поддается точному опредѣленію, то „мирная" роль шведской соціальдемократіи въ развитіи шведско-норвежскаго кризиса признается даже ея противниками. Какъ только въ Швеціи стало извѣстно о принятомъ норвежцами рѣшеніи развестись съ своимъ королемъ, шведская соціальдемократія рѣшила начать всеобщую стачку и рекомендовать отказъ отъ военной службы, въ случаѣ если-бы Швеція вздумала заступиться за своего короля. Норвежская революція-фарсъ могла бы превратиться въ тяжелую драму, но рѣшеніе шведской соціальдемократіи навѣрное охладило пылъ многихъ шовинистовъ. Кромѣ того, шведскіе соціальдемократы вели самую жестокую борьбу съ этимъ самымъ шовинизмомъ, постоянно разоблачая и его лживо-патріотическія фразы и распространяемыя имъ фальшивыя извѣстія о намѣреніяхъ норвежцевъ и т. д.

* * *

Наконецъ, говоря о „мирныхъ" демонстраціяхъ соціальдемократовъ въ послѣднее время, нельзя не упомянуть о рѣчи Дашинскаго въ австрійскомъ рейхстагѣ. Значительнымъ оплотомъ царскаго самодержавія въ настоящее время могли-бы еще явиться западно-европейскія правящія сферы. Опираясь на нихъ, царизмъ могъ-бы еще вести наступательную политику внутри и отчасти извнѣ. Рѣчь Дашинскаго, которая должна была напередъ протестовать противъ возможныхъ услугъ австрійскаго правительства русскому въ спеціальномъ случаѣ, въ дѣлѣ выдачи политическихъ преступниковъ, показала, что въ Австріи фонды русскаго правительства значительно пали.

Рѣчь Дашинскаго была сказана въ обоснованіе внесеннаго соціальдемократами къ палату предложенія австрійскому правительству о „человѣчномъ обращеніи съ политическими бѣглецами, ищущими въ пограничныхъ австрійскихъ поселеніяхъ защиту отъ преслѣдованій русскаго самодержавнаго правительства, и о ненарушеніи почитаемаго всѣми цивилизованными государствами права убѣжища". „Большая часть нашей страны — говорилъ Дашинскій — соприкасается съ огромнымъ государствомъ, управляемымъ самодержавно и сейчасъ переживающимъ періодъ революціонныхъ возстаній, которыя, надо надѣяться, приведутъ къ новой государственной формѣ, къ свободѣ всѣхъ народностей. Намъ не можетъ быть безразлично, въ какой формѣ будутъ совершаться и это могучее революціонное движеніе, и оргія реакціи, которая каждый разъ перебрасываетъ въ наши предѣлы новые потоки убѣгающихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Мы должны быть готовы къ тому, что на сѣверныхъ границахъ нашей страны появятся цѣлые отряды спокойныхъ обывателей, ставшихъ политическими бѣглецами, что эти отряды неповинныхъ людей будутъ искать здѣсь убѣжища и защиты. Мы были бы столь же жестоки, какъ тѣ звѣри въ солдатскихъ мундирахъ, если бы мы по отношенію къ этимъ явленіямъ стали на чисто полицейскую точку зрѣнія и не отстаивали бы всѣми силами право убѣжища въ такое время, когда всякое цивилизованное государство должно считать дѣломъ своей чести, чтобы дать убѣжище гонимымъ".

Предложеніе соціалдемократовъ было принято почти единогласно, (противъ него голосовали только антисемиты), а министръ внутреннихъ дѣлъ счелъ нужнымъ, въ нѣсколько дипломатичной формѣ высказать свое сочувствіе этому предложенію.

Къ услугамъ Николая II остаются еще только австрійскіе антисемиты и турецкіе башибузуки!

По Россіи.

Всеобщая стачка на Кавказѣ. (Мы еще не получили подробныхъ корреспонденцій о послѣднихъ Кавказскихъ событіяхъ и должны ограничиться сводкой краткихъ сообщеній, присланныхъ намъ товарищами.)

17 іюня Тифлисскій Комитетъ выпустилъ прокламацію, въ которой приглашалъ все населеніе города Тифлиса приступить къ всеобщей забастовкѣ для протеста противъ организуемыхъ правительствомъ хулиганскихъ бандъ, совершенно разнуздавшихся съ образованіемъ въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ партіи такъ называемыхъ „русскихъ патріотовъ", которые убили трехъ соціальдемократовъ. Комитетъ требовалъ прекращенія работъ во всѣхъ заводахъ и мастерскихъ, торговли — во всѣхъ магазинахъ, занятій — во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ.

Формулированныя въ прокламаціяхъ требованія гласили: 1) Обузданіе хулигановъ и ихъ разоруженіе; 2) немедленное освобожденіе арестованныхъ; 3) привлеченіе къ отвѣтственности виновныхъ въ избіеніи и убійствѣ и назначеніе съ этой цѣлью спеціальной комиссіи изъ представителей прессы, рабочихъ и общественныхъ учрежденій; 4) всеобщее вооруженіе и учрежденіе всеобщей милиціи.

Стачка началась въ понедѣльникъ, 20 іюня. На слѣдующій день всѣ городскіе служащіе пристали къ стачкѣ. Многія улицы остались безъ освѣщенія. Водопроводъ охранялся войсками. Всѣ торговыя заведенія были закрыты, не смотря на то, что казачьи банды грабили присоединившіеся къ стачкѣ магазины.

Въ этотъ же день забастовали изъ солидарности рабочіе въ городѣ Гори, Тифлисской губ. „Въ городѣ, пишутъ оттуда, прекратилось всякое движеніе. Народъ собирается огромными массами, улицы оглашаются криками: „долой хулигановъ"!

Одновременно забастовали желѣзнодорожные рабочіе на станціи Михайлово. Движеніе поѣздовъ прекратилось. Далѣе, всеобщая забастовка охватила Чіатуры, Шаропань, Кутаисъ, Самтреди и Батумъ. „Политическая стачка удалась блестяще", пишетъ товарищъ изъ Тифлисск. Комитета.

Толчкомъ къ началу забастовки послужилъ, кромѣ участившихся эксцессовъ со стороны „патріотовъ", военная окупація предмѣстья „Нахаловки", этой „Тифлисской Швейцаріи", какъ ее называли рабочіе, имѣя въ виду ту свободу, отъ полиціи и „начальства", которую она себѣ фактически отвоевала за послѣднее время (открыто собираясь на улицахъ, читали партійную литературу и т. д.). Извѣстія о событіяхъ въ Лодзи и Одессѣ подняли энергію тифлисскаго пролетаріата и побуждали его дѣйствовать.

Во время стачки полиція захватила въ Тифлисѣ фабрику бомбъ, принадлежавшую мѣстному Комитету. Взятый въ ней товарищъ повѣсился 25 іюня въ тюрьмѣ.

Въ воскресенье 25, Комитетъ предложилъ рабочимъ закончить, длившуюся недѣлю, забастовку и начать работы съ 28 (первоначально былъ назначенъ для возобновленія работъ понедѣльникъ 27, но, въ виду того, что намѣстникъ на этотъ же день „приказалъ" рабочимъ явиться на работы, Комитетъ продлилъ стачку еще на день).

Харьковъ. Въ газетахъ уже писали о громадномъ рабочемъ митингѣ, имѣвшемъ мѣсто послѣ лекціи Кузьмина. На паровозостроительномъ заводѣ, благодаря цѣлому ряду митинговъ (въ столовой, нынѣ закрытой), настроеніе крайне революціонно и заражаетъ другіе заводы.

5 іюня на паровозостроительномъ заводѣ происходилъ молебенъ. Рабочіе послѣ молебна потребовали отъ попа и *заставили* его отслужить панихиду по убитымъ въ Петербургѣ, Варшавѣ и другихъ городахъ. Послѣ панихиды соц. дем. ораторъ объявилъ засѣданіе открытымъ. Въ это время между станками появились знамена. Оркестръ сыгралъ марсельезу и ораторы стали подниматься на трибуну. Митингъ сошелъ очень удачно, при одобреніи массы слушателей.

Николаевъ. Трехдневная забастовка кончилась, и рабочіе французскаго завода приступили къ работамъ, выговоривъ 9-ти час. рабочій день, удаленіе полиціи изъ мастерскихъ, увеличеніе поденной платы чернорабочимъ на 10 коп. въ день, прибавку также большинству рабочихъ по соглашенію съ депутатами. Въ пріемѣ рабочихъ стали участвовать депутаты, причемъ принимались рабочіе болѣе сознательные. Такъ что въ два мѣсяца рабочіе, при содѣйствіи легальной и нелегальной литературы, вполнѣ подготовлялись къ борьбѣ и только нуженъ былъ какой нибудь поводъ, чтобы рабочіе возстали.

Пришли изъ Одессы слухи о всеобщей забастовкѣ, пріѣхали изъ Одессы депутаты отъ рабочихъ въ Николаевъ, получилась связь между Николаевомъ и Одессой, работы стало много, начали въ заводѣ во дворѣ устраиваться цеховыя и общія собранія, на которыхъ обсуждались общіе вопросы. Шпиковъ сами рабочіе узнавали и гнали ихъ. Кружки собирались по квартирамъ, а за городомъ массовки доходили до 500 человѣкъ. Всѣ эти собранія чередовались безостановочно, жизнь кипѣла, объединеніе захватывало все больше и больше рабочіе районы. И вотъ прорвалось на Черноморскомъ заводѣ, гдѣ начальникъ Грамборъ позволялъ себѣ грубости въ отношеніи рабочихъ. Его сначала предупредили, а черезъ нѣсколько дней надѣли на него мѣшокъ съ графитомъ. Администрація же посмѣшила поставить на разсчетъ рабочихъ и закрыла заводъ, рабочіе же предъявили иски къ заводу. Въ это время въ порту идетъ дѣятельная агитація и Ракетный заводъ сталъ, а затѣмъ сталъ и портъ съ предъявленіемъ требованій. Въ городѣ приказчики закрывали магазины съ требованіемъ торговать не дольше восьми часовъ вечера. Центръ всей нашей дѣятельности — французскій заводъ и вотъ доковскій отдѣлъ первый заявилъ о солидарности съ портовыми рабочими, и всѣ рабочіе французскаго завода оставили работу и собрались во дворъ, пославъ депутатовъ къ администраціи заявить, что къ заводу ничего они не имѣютъ. На собраніи рѣшали соединиться съ черноморскими рабочими, которые собирались возлѣ своего завода, рѣшили не выходить въ главныя ворота, а въ боковыя, которыя ближе къ черноморскому, по выходѣ соединились на площади съ ними, тутъ же была часть портовыхъ. Сначала были произнесены рабочими рѣчи. Въ особенности, одинъ товарищъ хорошо обрисовалъ тяжелую жизнь рабочихъ и ихъ безправность вообще, затѣмъ говорилъ заранѣе приглашенный ораторъ организаціи „большинства", который привелъ толпу своей рѣчью къ тому, что она закричала: „долой самодержавіе!" и провозгласила: „да здравствуетъ революція и Учредительное собраніе и демократическая республика"! Въ общемъ, напряженіе достигло высшей степени, но въ городъ рѣшили идти на другой день и кто можетъ, пусть вооружится. Расходясь же по домамъ, нѣкоторые, проходя мимо казаковъ и солдатъ, запѣли марсельезу и, кто то далъ выстрѣлъ (говорятъ, что шпикъ), тогда солдаты перерѣзали шествіе впереди, а казаки сзади. Пѣвшихъ было мало, такъ какъ рабочіе разошлись по другимъ улицамъ, чѣмъ и воспользовались шпики и, по ихъ указанію, били нагайками и скручивали веревками. Пострадало восемь человѣкъ, въ томъ числѣ и врагоръ. На другой день рабочіе французскаго завода пришли на заводъ и узнали, какъ звѣрски поступали казаки совмѣстно съ полиціей и шпиками надъ рабочими и ораторомъ, вышли изъ воротъ и сгруппировались на площади возлѣ французскаго завода. Къ намъ стали присоединяться рабочіе и другихъ заводовъ, въ тотъ день забастовали желѣзнодорожные и коночные рабочіе, которыхъ часть стояла на мосту. Произнесены были рѣчи. Одинъ изъ рабочихъ сказалъ, что, если рабочіе будутъ молчать, то ихнихъ женъ и дѣтей некому будетъ защищать и предложилъ при столкновеніи съ войскомъ, а въ особенности съ казаками, вырывать камни изъ мостовой, но не разбѣгаться. Толпа прокричала: „смерть или свобода". Послѣ рѣчей толпа въ пять тысячъ человѣкъ заявила желаніе идти въ городъ и, если войско помѣшаетъ, то раздѣлиться и разными улицами войти, что и сдѣлали, хотя не всѣ сошлись на Соборной улицѣ. Туда пришли городскіе, а также портовые. Появился полиціймейстръ на извощикѣ, за нимъ казаки съ крикомъ: „разойдитесь". Только соскочилъ съ дрожекъ, вѣкъ была брошена бомба, положившая эсаула и трехъ казаковъ, около девяти раненыхъ. Казаки въ паникѣ бросились въ сторону и передніе нарвались на проволоку и послезали съ лошадей, проволока была протянута на всякій случай. Подоспѣло тогда войско и другая часть казаковъ и не дали толпѣ соединиться. Ночью были произведены аресты депутатовъ отъ рабочихъ и многихъ другихъ. На третій день также французскіе рабочіе не работали, но дѣятельности не проявили, хотя были въ возбужденномъ состояніи, а на четвертый день вышли на работу. По другимъ заводамъ начали днемъ раньше работать.

Пишущій эти строки избѣжалъ ареста; на заводѣ французскомъ и другихъ идетъ теперь глухая борьба. Рабочіе страшно недовольны неудачей и готовятся къ борьбѣ за свободу. Военное положеніе Николаева пока сдерживаетъ, но не надолго.

Рабочій.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Вышли изданія: „Искры": 1) Профессіональные союзы и рабочая партія (отдѣльное приложеніе къ № 10 „Соц.-Дем."); 2) „Большинство или меньшинство?" (перев. съ грузинскаго, съ прил. статьи К. Ц.); 3) „Соціальдемократъ" № 9; 4) Ко всѣмъ лишеннымъ правъ (прокл.). **Петербургской группы:** 1) „Соціальдемократъ" № 6 (перепеч. въ 8000 экз.) и 2) Програма партіи (10000 экз.). **Одесской группы:** Во вражескомъ станѣ (изъ № 6 „Соц. Дем." 5000). **Харьковскаго ком.:** 1) Бюллетень ж.-д. района (гект.); 2) Митингъ 5 іюня (печ.); 3) Призывъ къ стачкѣ и описаніе одесскихъ событій. **Нижегородск. группы:** „Девятое іюля" (мимеогр.). **Нижегор. ком.:** 1) „Девятое іюля" (7000); 2) Къ крестьянамъ (22000), 3) Къ крестьянамъ (перепеч. Ц. К. 9000); 4) „Кто виноватъ?" (4000), 5) Къ булочникамъ (500); 6) Къ плотникамъ (200); 7) Уставъ Партіи (280); 8) Отчетъ за полугодіе (400); 9) „9 января" (200). **Приволжской** с.-д. крестьянской гр. (Нижегород. уѣзда): „Къ крестьянамъ" (гектогр.). **Варш. Военно-Рев. организ.:** 1) Революція собранія агитаторовъ Варш. центр. группы в. рев. организ. 15 мая (печ.); 2) Заявленія Варш. Центр. Гр. (печат.); 3) Къ солдатамъ Кальварійскаго лагеря (400 экз.). **Тифлисскаго ком.:** 1) „Ко всѣмъ гражданамъ" (призывающ. ко всеобщей стачкѣ); 2) „Бастуйте и требуйте!"; 3) „Третій день стачки"; 4) Ко всѣмъ гражданамъ (объ оконч. стачки; — всѣ печатные). **Тульск. ком.:** Къ ополченцамъ, запаснымъ и солдатамъ (печат.). **Тверск. ком.:** По поводу ложныхъ слуховъ о событіяхъ 26 мая (печат.). **Борисоглѣбской** группы: 1) Отчетъ по 15 мая; 2) Отчетъ по подписн. листамъ (гект.). **Уфимскаго** ком.: Отчетъ кассы комитета (гект.). **Кишиневской** организ.: Революція забастовщиковъ (гект.). **Саратовск.** ком.: Отъ союза типографовъ при К-тѣ (500 гект.). **Рижскаго** ком. Извѣщеніе о съѣздѣ (3000). **Александровск.** орг.: „Голодъ согналъ" (1800, мимеогр.). **Кіевскаго** ком.: 1) Крестьяне и царское правительство (печ.); 2) Отчетъ по 10 мая (гект.); 3) Программа Р. С.-Д. Р. П. (6000); 4) Солдатск. памятка (2000); 5) и 6) Майскіе листки (4000 и 2000); 7) Къ горожанамъ (1000); 8) Наши требованія (600); 9) Ко всѣмъ рабочимъ (600) — всѣ печ.; 10) Къ фармацевтамъ; 11) Къ обществу о стачкѣ фармацевтовъ; 12) Къ рабочимъ фабр. Лева; 13) Къ типогр. раб.; 14) Къ раб. арсенала; 15) Къ раб. пароходн. общества; 16) Къ дамскимъ портнымъ; 17) Къ раб. Гретера; 18) Къ рабоч. табачн. фабр. Когана; 19) Къ жел.-дор. раб. Унгермана; 20) Къ рабочимъ южно-русск. завода. **Екатеринославской** организаціи (фракція „Пролетарій"): 1) Крестьяне (гектогр.); 2) Отчетъ по 1 мая (гектограф); 3) Ко всѣмъ рабочимъ (печатн.); 4) Товарищи-рабочіе! (печатн.). **Астраханскаго** комитета: 1) Ко всѣмъ (4000); 2) Ко всѣмъ приказчикамъ (400 экз.). **Николаевскаго** комитета (фракц. „Пролет."): 1) Къ обществу (гект.); 2) Къ рабоч. фабр. Ага (гект.). С.-д. группы г. **Ковыля**: 1) Требованія сел.-хоз. раб.; 2) Къ русскому крестьянству (обѣ гект.). **Крымск.** союза: „Ко всему цивилизованному міру (отъ „Потемкина" 6000). 2) „Къ гражданамъ" (4000). **Мелитопольской** орг. (Крымск. С.): 1) Ко всѣмъ бастующимъ; 2) Къ рабочимъ (о предательствѣ делегатовъ стачечниковъ). **Севастопольск.** ком. (Крымск. С.): 1) Ко всѣмъ (по поводу возстанія „Потемкина" — 10000); 2) Къ матросамъ отъ матросовъ-соціальдемократовъ (о томъ же — 5000); 3) „Товарищи, не унывайте"! (отъ матросовъ соц.-дем., 1500 экз. печ.); 4) Къ матросамъ и солдатамъ (отъ матросовъ соц.-дем.) (5000). **Керченской** орг.: Ко всѣмъ приказчикамъ; **Ѳеодосійск.** орг.: Ко всѣмъ приказчикамъ; **Симферопольск.** орг.: Къ заготовщикамъ. **Ейской** группы (Куб. ком.): 1) По поводу одной замѣтки въ „Русск. газ." (гектогр.); 2) Ко всѣмъ приказчикамъ (гект.); 3) Событія въ Одессѣ (гект.). **Кременчугск.** ком.: 1) „Первая побѣда революціи" (лист. „Искры" печ. 2000 экз.) 2) Къ Крюковскимъ мастерскамъ (200); 3) Ко всѣмъ (300); 4) Къ железно-дорожн. депо (500); 5) Солдатская памятка (3000); 6) Первое мая (перепеч. 2000); 7) Манифестъ Петерб. выборщиковъ (3000); 8) Бакинск. рѣзня (2000); 9) Къ Крюковск. мастерскимъ (1000); 10) Жертвуйте, русскіе люди (3000). **Смоленскаго** комитета: 1) Солдатская памятка (2-е передѣл. изд. 10000); 2) Началась великая русская революція (о возстаніи матросовъ, печ.). **Союза моск. типо-лит. раб.:** 1) Къ запаснымъ; 2) Товарищи-рабочіе! (призывъ къ подготовкѣ всеобщей стачкѣ — обѣ печ.). **Московской** группы: 1) Готовьтесь! (по поводу Иваново Возн. стачки, 5000 экз.); 2) Ко всѣмъ рабочимъ и запаснымъ (6000); 3) Спасенья нѣтъ! 4) Шестое іюня (2500); 5) Долой мобилизацію (4000); 8) Гибель эскадры (4000); 7) По поводу новаго назначенія Трепова (4000); Комиссія Булыгина (3500); 9) Московскій Рабочій Листокъ (газ. № 1). 10) Ко всѣмъ заготовщикамъ (200); 11) Къ солдатамъ (1200); **Московскаго** ком.: 1) Иваново-Вознесенская стачка; 2) Пропагандистская програма; 3) Отчетъ съ 8 апр. по 1 іюня; 4) Отъ группы городовыхъ. **Бакинскаго** комитета: 1) Ко всѣмъ типографскимъ рабочимъ (800); 2) Открытое письмо бакинскимъ жел.-дор. раб. (1000); 3) Товарищи (200); 4) Забастовка ж.-д. раб. (2000); 5) Товарищи! (2000); 6) Товарищи! (1000); 7) Товарищи! (2000); 8) Отчетъ к-та (600); 9) Бюллетень (на русск. и арм. яз. 4000); 10) Товарищи! (3000); 11) Самодержавіе народа (2000); 12) Армія (2000); 13) Отчетъ район. ком. (1000); 14) Къ нашей програмѣ (3000); 15) Ко всѣмъ служащимъ въ рестор., гостин. и дом. присл. (600); 16) Первомайская (4000); 17) Первое мая (2000); 18) Солдаты! (700); 19) Чего мы хотимъ? (5000); 20) Первое мая — на татарск. (4000); 21) Ко всѣмъ (2000); 22) Массовая политическая стачка (изъ № 1 „Прол."); 23) „Еще о холуяхъ его величества"; 24) Гибель флота; 25) Ко всѣмъ полицейскимъ; 26) Къ рабочимъ завода Восточн. общества (Бѣлогор. районн. ком.); 27) Пѣсня рабочихъ; 28) Бюллетень Балаханск. района; 29) Рабочіе и самодержавіе; 30) Отчетъ краснаго креста. Союза **Бакинскихъ** рабочихъ: Дружескія рѣчи съ либералами и кровавыя расправы съ народомъ (3500). **Донского**: 1) Письмо рабочаго казакамъ; 2) „Возстаніе началось" (6000); 3) „Опять мобилизація" (9000); 4) Гражданскій долгъ демократіи (5000). **Луганской** орг.: 1) Ко всѣмъ раб. ж.-д. маст. (гект.); 2) Къ рабоч. и работницамъ патрон. зав. (гект.). **Донецк.** ком.: Къ шахтерамъ (8000). **Юзовской** гр. (Донецк. ком.): 1) Ко всѣмъ рыковскимъ раб. (гект. 100); 2) къ раб. Карповскаго рудн. (160); **Бахмутской** гр. (Донецк. ком.): „Революція началась" (печатн.). **Украинскаго** Союза: „Правда" № 4 5 (3500). **Центр. Ком. фракціи** „Пролетарій": „Солдатская памятка" (переп. съ изд. „Искры"). **Маріуп.** гр. Донецк. ком.: 1) Къ рабоч. Никополь-Маріуп. зав. (100); 2) Къ рабоч. заводовъ Никопольскаго и „Провиданцъ" (100); 3) Къ Никопольскимъ рабочимъ (100); 4) О послѣднихъ событіяхъ (600); 5) Отчетъ за апрѣль, май, іюнь. **Воронежск.** Ком. („Кассы борьбы"): Къ жел.-дор. мастерскимъ (500).

Общее количество зарегистрированныхъ здѣсь изданій (приблизительно): 320 тыс. экз.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Насъ просятъ напечатать слѣдующее заявленіе:

Представители обѣихъ частей Р. С.-Д. Р. П., Партіи Соц.-рев., Всеобщаго Еврейск. Раб. Союза въ Польшѣ, Литвѣ и Россіи (Бунда), Соц.-дем. королевства Польскаго и Литвы, Польской Партіи Соціалистической,[1]) Армянской Соц.-дем. Рабочей организаціи и Армянской революціонной федераціи, образовавъ междупартійную комиссію для оказанія поддержки высадившемуся въ Румыніи революціонному экипажу Потемкина, обращаются ко всѣмъ съ просьбой о помощи. Пожертвованія просятъ направлять по адресамъ организацій, вошедшихъ въ комиссію, съ обозначеніемъ для „Потемкина".

Поступило въ международную рев. комиссію въ Женевѣ: черезъ „Искру": отъ итальянскихъ соціалистовъ на нужды революціи въ Россіи и передано участвующимъ въ комиссіи организаціямъ 3370.70; черезъ В. Засуличъ отъ П. Струве 585.45; черезъ „Искру" отъ NN 10 фр.; для матрос. „Потемкина" черезъ „Искру" 230 фр., отъ д-ра Г—ша черезъ „Искру" 20 фр., отъ П. С. Р. 1600 фр.

Ереме. Ваши письма всѣ получены. И посылается по всѣмъ адресамъ. Послали три большихъ письма, получены-ли? Пришлите больше адресовъ для писемъ и лучше шифруйте. **Михею.** Большое письмо получено. Отвѣтили. Писали на разъ на адресъ комитета. Пришлите свой адресъ. **Глѣбу.** Полученъ только № 3. Отвѣтили. **Бодеру.** Отчего не откликаетесь? Писали два раза. **Ефиму.** Письма получаемъ всѣ. Писали. **Лебединскому.** Письмо получено. Пришлите хорошій адресъ.

Получено: Прибранъ 2 фр., черезъ Л. Т. за грав. 60 руб., отъ бюро гр. сод. 600 фр., отъ клуба „Zukunft" въ Берлинѣ 6 фр. 15, 5 фунт. стерл. отъ Лондонскаго ком. помощи русскимъ стачечникамъ, 25 фр. отъ Свояги, 60 руб. отъ Амурцевъ. 300 фр. отъ Костика.

[1]) П. П. С. приглашена, но отвѣта еще не получено.

Обиліе матеріаловъ, относящихся къ южно-русскому возстанію, заставляетъ отложить до слѣдующаго номера большую часть текущаго матеріала (корр. изъ Екатеринослава, Керчи, изъ малорус. деревни, съ Карповскаго рудника, Армавира, Ставрополя, Мелитополя, Харькова, Иркутска и т. д., равно какъ резолюціи Саратовск., Полѣсск., Иркутск., Орловск. комитетовъ, кутаисскихъ и кременчугскихъ рабочихъ и т. д.). Слѣдующій № выйдетъ 18 іюля.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.